

ISSN: 2500-0837

ТЕОРИЯ государства и права

2017
апрель-июнь

№ 2

Москва

Россия

2017 / № 2

**ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г.

2017 / № 2

**THEORY
OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

II Международная научно-теоретическая конференция «Государство, право, демократия в современном мире»

II International Scientific Conference "The state, law, democracy in the modern world" 13-14 октября 2017 года, г. Москва

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, Юридический институт (Санкт-Петербург), кафедра теории и истории государства и права Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», редколлегия журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Правовое государство: теория и практика», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Юридическая наука» 13-14 октября 2017 года проводят II Международную научно-теоретическую конференцию **«Государство, право, демократия в современном мире»**, посвященную заслуженному деятелю науки и техники РСФСР, доктору юридических наук, профессору **ДЕНИСОВУ АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ**.

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты и соискатели, практикующие юристы.

Рабочие языки конференции - русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции, пройдя электронную регистрацию до **10 октября 2017 года** на сайте: www.matgir.ru (Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права).

Тезисы доклада необходимо направить в электронной форме до **30 октября 2017 года** по адресу: Komarov1951@pisem.net; SVKomarov2008@yandex.ru (в печатном виде по адресу: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1, оф. 12).

Российский индекс научного цитирования

Информация о материалах, опубликованных в рамках конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ). Ссылки на сборник в системе РИНЦ.

Рассылка журнала и Сертификата участника конференции

Рассылка журнала авторам, заказавшим печатный вариант, вместе с сертификатом, будет производиться централизованно, посредством почты России, простой бандеролью после 15 декабря 2017 года.

Оформление материалов

1. Рукопись статьи должна быть отпечатана через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом, страницы пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литерату-

ры». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

- в тексте [8, с. 15];
- в затекстовой ссылке: *Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник.* - М.: Изд-во Юрайт, 2017. - 540 с.

2. Объем статьи не должен превышать 10 машинописных страниц.

3. Статья(и) аспиранта(ов) должны быть согласованы с их научным руководителем (руководителями).

4. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте.

5. Статьи на русском (английском) языке направляются на электронный адрес редакции журнала «Теория государства и права» Komarov1951@pisem.net; Komarova_tl@mail.ru

6. Фотография автора 5 x 6 см.

7. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS

for Manuscripts, submitted for publication

1. The text of article should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

- In the text [8, p. 15].

- In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. 9-th ed. - M.: Publishing House "Yurait", 2017. - 540 pp.

2. The paper should not exceed 10 printed pages.

3. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

5. Article sent by E-mail: Komarov1951@pisem.net; Komarova_tl@mail.ru

6. Photo of author 5 x 6

7. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Стандарты оформления материалов

1. Материал должен быть подготовлен и отправлен на модерацию в формате .doc либо .docx;

2. Языки материала - **русский** либо **английский**;

3. Размер страницы - А4, ориентация - «Книжная»;

4. Поля страницы: Верхнее - 20 мм, Нижнее - 20 мм, Правое - 20 мм, Левое - 30 мм.;

5. Отступ первой строки абзаца слева (красная строка) - 1,25 см;

6. Первый абзац - ФИО авторов (выравнивание по правому краю);

7. Второй абзац - Наименование организации, страна, город, электронный адрес (E-mail) (выравнивание - по правому краю);

8. Третий абзац - Полное название темы статьи (выравнивание по центру, начертание полужирное) на русском и английском языках;

9. Далее аннотация и ключевые слова на русском языке и английском языках;

10. Затем текст статьи (междустрочный интервал - 1,5 строки, выравнивание - по ширине, без переносов);

11. Во всем тексте статьи шрифт - Times New Roman, размер шрифта - 14 кегль;

12. Список используемой литературы: каждый источник должен быть написан с новой строки. Необходимо указать полное наименование источника и авторов. Как только статья будет проверена рецензентами и рекомендована к публикации, автор получит сообщение о принятии материала и стоимости организационного взноса с указанием на порядок и реквизиты оплаты.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Комаров Сергей Александрович** - председатель оргкомитета конференции, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Международного университета в Москве, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

2. **Кари Сьунберг** - сопредседатель оргкомитета конференции, помощник члена парламента Финляндии, Президент географического общества Финляндии, Ph.D.Geography, Dr.h.c.of Law (г. Хельсинки, Финляндия).

3. **Малько Александр Васильевич** - директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, гл. редактор журнала «Правовая политика и правовая жизнь», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия).

4. **Хабибулин Алик Галимзянович** - сопредседатель оргкомитета конференции, заведующий кафедрой финансовых и экономических исследований ВШГА (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл. редактор журнала «Миграционное право», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

5. **Ревна Мария Борисовна** - ректор Юридического института (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Юридическая мысль», кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

6. **Груздев Владислав Владимирович** - проректор по науке Костромского государственного университета, гл. редактор журнала «Вестник Костромского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Кострома, Россия).

7. **Комаров Владимир Сергеевич** - главный редактор журнала «Теория государства и права», кандидат юридических наук (г. Москва, Россия).

8. **Смирнов Владимир Викторович** - заместитель декана Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве» (г. Москва, Россия).

9. **Комарова Татьяна Львовна** - проректор по науке и инновациям Юридического института (Санкт-Петербург), ответственный секретарь Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, заместитель главного редактора журнала "Law and Power", кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

10. **Полищук Николай Иванович** - вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, заместитель главного редактора журнала «Теория государства и права», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

11. **Крылова Елена Геннадьевна** - профессор кафедры публично-правовых дисциплин Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

12. **Липинский Дмитрий Анатольевич** - профессор кафедры теории государства и права Института права Тольяттинского государственного университета, зам. гл. редактора журнала Вектор науки Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия).

13. **Мицкая Елена Владимировна** - профессор кафедры уголовного права и криминологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан).

14. **Сальников Виктор Петрович** - Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

15. **Галиев Фарит Хатилович** - профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», гл. редактор журнала «Правовое государство: теория и практика», доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия).

16. **Ковальский Ежи Сергей Чеславович** - заведующий кафедрой российского права, профессор кафедры теории права и юридической логики, заместитель декана по науке Юридического факультета Лазарски университета (Республика Польша), кандидат юридических наук, доктор PhD Law, доктор honoris causa Юридического института, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

17. **Ирошников Денис Владимирович** - доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Института управления, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», зам. гл. редактора журнала «Юридическая наука», кандидат юридических наук, доцент (Москва, Россия).

18. **Мартьянов Александр Геннадьевич** - аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

Информационные партнеры

Журнал
«Теория государства
и права»

Журнал
«Юридическая
наука»

Журнал
«Правовая политика
и правовая жизнь»

Журнал
«Юридическая
мысль»

Вестник
Костромского
государственного
университета

Журнал «Вектор науки Тольяттинского
государственного университета»
Серия: Юридические науки

Журнал
«Правовое
государство:
теория
и практика»

<p>Журнал «Миграционное право»</p>	 <p>Компания «Консультант- Плюс»</p>	<p>УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ РЕШЕНИИ.</p> <p>ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ</p> <p>Компания «Гарант»</p>	<p>Журнал «Law and Power»</p>
--	---	--	-----------------------------------

На обложке актовый зал Международного университета в Москве

Содержание

		Стр.
Жунусканов Т.Ж.	Об актуальных проблемах института источников конституционного законодательства: на примере российско-казахстанского опыта	12
Захарцев С.И., Сальников В.П.	Правовой прогресс: новое направление исследования права	20
Печникова О.Г.	Правовое закрепление основных принципов организации деятельности карантинной службы в России в XVIII - начале XIX вв. как составляющая процесса институционализации медицинской деятельности	36
Ревнов Б.А., Чупров В.М.	К вопросу об исчислении сроков в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях	40
Романов А.А.	Исследование политизации этничности: методологический дискурс	47
Чупров В.М.	О повышении эффективности кадровой работы в органах внутренних дел	57
Юрченко Д.П.	Соотношение права ЕАЭС и права государств - членов ЕАЭС	61
Комаров С.А., Чупров В.М.	Сильное или эффективное государство? Рецензия на монографию А.Д.Керимова и И.Н.Куксина «Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса». - М.: Норма: Инфра-М, 2017. - 96 с.	68
Полищук Н.И., Радько Т.Н.	Рецензия на авторский учебник Комарова С.А. «Общая теория государства и права». 9-е изд. - М.: Юрайт, 2017. - 450 с.	75

Теория государства и права

Главный редактор **Комаров Владимир Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович - заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Ответственный секретарь редакции **Саматов Андрей Валерьевич** (г. Москва, Россия)

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Васильев Анатолий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ельцов Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Лукьянова Елена Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Фролова Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Якушев Александр Николаевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г. Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837

© Теория государства и права, 2017.

© Авторы, 2017.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/magazine>).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы.

Теория государства и права

Editor in chief **Komarov Vladimir Sergeyeovich**, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich - Deputy editor, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Executive secretary of the editorial board **Samatov Andrey Valeryevich** (Moscow, Russia)

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kholmna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Vasilyev Anatoly Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Eltsov Nikolay Sergeyeovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland) (St. Petersburg)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Lukyanova Elena Gennadyevna, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Mordovets Alexander Sergeyeovich, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Honorary worker of higher education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Frolova Natalya Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Theory of State and Law

Editorial board:

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Yakushev Alexander Nikolaevich, Doctor of historical sciences, Candidate of legal sciences, Candidate of pedagogical sciences, professor

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.

ISSN: 2500-0837

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2017.

© Authors, 2017.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Т.Ж.Жунусканов*

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНСТИТУТА ИСТОЧНИКОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ОПЫТА

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные теоретико-правовые проблемы, возникающие с определением института источников конституционного права. Особое внимание обращено на синонимические и омонимические подходы ученых к данному институциональному явлению. Предлагается авторское определение источников конституционного законодательства.*

***Ключевые слова:** конституция, конституционное законодательство, закон, источник права, форма права.*

ON THE ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTE SOURCES OF CONSTITUTIONAL LEGISLATION: ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-KAZAKHSTAN EXPERIENCE

***Summary.** The article considers the actual theoretical and legal problems that arise with the definition of the examined term. Special attention is given to the synonymous and homonymous approaches of scientists to this institutional phenomenon. Author's definition of the source of constitutional law.*

***Keywords:** Constitution, constitutional law, law, source of law, form of law.*

В юридической литературе практически отсутствует общепринятое понятие источника права вообще, а в зависимости от форм правления и государственного устройства - в частности. В настоящей статье будут рассмотрены научно-практические взгляды, связанные с определением исследуемого термина и способом его применения на практике. Выбор не случаен, обусловлен тем, что уровень научной разработки проблемы, и прежде всего общего понятия источника права, явно недостаточен, а практика его применения противоречива. На это могли повлиять различные виды толкования права, сама юридическая практика, а также как аналогии права, которые заменялись ими, так и омонимические и синонимические подходы ученых, которые за счет ссылок на те или иные словоформы усложнили само понятие, безусловно, и формы государственного устройства и правления.

Очень часто понятие «система источников права» обычно заменялось понятием «система законодательства». В результате проблема роли источников права в правовой системе вытеснялась вопросом о соотношении системы права и системы законодательства. Сама терминология - «нормативный акт», «законодательство

* *Жунусканов Толыбек Жунусканулы* - адвокат Костанайской областной коллегии адвокатов (Республика Казахстан), аспирант кафедры конституционного и административного права Юридического института (г. Санкт-Петербург). E-mail: zhunuskanov_t@mail.ru

Zhunuskanov Tolibek Zh. - a lawyer of Kostanay regional bar Association (Kazakhstan), postgraduate Department of constitutional and administrative law of Law Institute (Saint Petersburg).

в широком смысле» - как бы стирала грань между законом и актами подзаконной силы. Сюда добавились противоречивые нормативные толкования конституционного и разъяснения судебных органов, а также практика их применения, что делает общепризнанные конституционные принципы права уязвимыми, а источники права - чувствительными к изменению как состава, так и содержания. Имеются и другие подходы. В то же время неясность термина исходила из семантико-информационной нагрузки, вкладываемой в содержание определения исследуемого термина. Так, например, «в речи проблема синонимии существует для говорящего (пишущего) и не существует для слушающего (читающего), а проблема омонимии существует для слушающего (читающего) и не существует для говорящего (пишущего)» [1].

Член-корреспондент АН СССР В.И. Чернышев когда-то писал: «В языке всякой определенной эпохи для ее современников много неясного: слагающегося, но не сложившегося, вымирающего, но не вымершего, входящего вновь, но не утвердившегося» [2]. Если перефразировать известную фразу, то в целом термин «источники права» в своем повседневном функционировании также все время движется через многие «неясности», которые мы попытаемся «разгадать», иначе через них определяются иерархические правовые положения того или иного нормативного правового акта, иногда незаслуженно, что влияет на правоприменение. Это может быть связано и с формой государственного устройства. К примеру, в Республике Казахстан (далее - РК) Президент издает указ, имеющий силу конституционного закона [3]. Подобного конституционного указа в Российской Федерации (далее также - РФ) не имеется [4]. На наш взгляд, если исходить из языка данного акта, то омонимичным здесь является то, что правовое свойство и истинное содержание указа как конституционного закона имеет разные выражения. В частности, по Конституции РК парламент не может делегировать Президенту право на издание указа, имеющего силу конституционного закона. Следовательно, в нашем конкретном случае в нормах названного указа мысль законодателя не совпадает с его содержанием, нарушает нормы Конституции. Подтверждение тому - п. 2 ст. 61 Конституции, согласно которому «Президент Республики имеет право определять приоритетность рассмотрения проектов законов, а также объявлять рассмотрение проекта закона срочным, означающее, что Парламент должен рассмотреть данный проект в течение месяца со дня его внесения. При неисполнении Парламентом настоящего требования Президент Республики вправе издать указ, имеющий силу закона, который действует до принятия Парламентом нового закона в установленном Конституцией порядке». Это очень важная юридическая составляющая законодателем не учтена. Так как проект конституционного закона, *а не Указа Президента, имеющий силу конституционного закона* (курсив мой - Т.Ж.), рассмотренный Мажилисом, переданный в Сенат, становится конституционным законом, который в течение десяти дней представляется Президенту Республики на подпись (п. 5-1 ст. 61 Конституции РК).

Таким образом, только на этом примере можно продемонстрировать, как могут отразиться на содержании источника права неточно переданные мысли законодателя либо их фразеологизация. Ибо, как нам кажется, через них законодатель выразил свое отношение к данному акту, возможно, это и есть ситуационное общение законодателя с правом или же государство таким способом решает правовые проблемы. Отсюда бесконечные споры, даже если они справедливы.

Но это вовсе не означает, что делаются попытки отрицать или имеющиеся взгляды ученых на сей счет, или весь законодательный массив, напротив, мы на их

основе попытаемся предложить свое видение проблемы. Учтем, что Д.И. Менделеев говорил, что наука только тогда благотворна, когда мы ее принимаем не только разумом, но и сердцем.

С.Ф. Кечекьян отмечал, что понятие «источник права» «принадлежит к числу наиболее неясных в теории права. Не только нет общепризнанного определения этого понятия, но даже спорным является самый смысл, в котором употребляются слова «источник права». Ведь «источник права» - это не более как образ, который скорее должен помочь пониманию, чем дать понимание того, что обозначается этим выражением» [5]. И больше того, нередко сам термин «источник» употребляется в разных значениях.

Таким образом, в силу изложенного под источниками (формами) права в собственном смысле слова традиционно понимаются способы закрепления и выражения правовых норм: правовой обычай, юридический (административный или судебный) прецедент, нормативный правовой акт [18, с. 278], религиозная норма. В этой связи необходимо отметить, что правовой обычай исторически считается первым источником права, уже не носит локального характера, как простой обычай. Прообраз норм правового обычая нередко выражается в пословицах, поговорках и афоризмах. Если под обычаем понимается правило поведения, сложившееся на основе постоянного и единообразного повторения данных фактических отношений, то на практике он становится правовым обычаем только после того, как получает официальное закрепление государством. К примеру, согласно п. 4 ст. 3 Гражданского кодекса РК (далее - ГК РК) гражданские отношения могут регулироваться обычаями, в том числе обычаями делового оборота, если они не противоречат гражданскому законодательству, действующему на территории РК [6].

Аналогичные подходы имеются и в гражданском законодательстве Российской Федерации, где под обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности не предусмотренное законодательством правило поведения независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Обычай, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются [7].

В теории государства и права в последние годы источником права стали называть не только внешнюю форму выражения права, но и социальные предпосылки (общественные отношения), субъект правотворчества (государство), его деятельность, организационные формы принятия нормативного правового акта.

Большинство исследователей (Л.С.Зивс [11], С.А.Комаров [18], М.Н.Марченко [19], В.А.Толстик [20] и др.) под юридическим источником права понимают форму, в которой выражено правило, сообщающее ему качества правовой нормы; тот единственный «резервуар», в котором пребывают юридические нормы; форму установления и выражения правовых норм и т.д. При этом последняя формула толкуется неоднозначно. Одни авторы здесь имеют в виду нормотворческую деятельность государства, другие - результат этой деятельности (различные нормативные акты; законы, декреты и т.д.), третьи - и то, и другое, объединяемое общим понятием «внешняя форма права» [8, 18]. Наряду с этим отдельные ученые (Александров Н.Г., Сюкияйнен Л.Р. и др.) относят к источникам права в формальном смысле деятельность государства по установлению правовых норм либо административные и судебные прецеденты. И тут формы выражения таких норм рассматриваются как формы, а не

как источники права. «Проблема источника права, - замечает в этой связи Л.Р. Сюкияйнен, - прежде всего проблема роли государства в образовании юридических норм. Поэтому формальный (юридический) источник права... является по существу формой участия государства (или других институтов) в правообразовании» [9].

В юридических целях в целом под источником права понимается форма, в которой выражаются правовые нормы. Ввиду сказанного термин «источник права» содержит в себе два взаимосвязанных аспекта.

Во-первых, источник права представляет собой внешнюю форму выражения правовых норм, а во-вторых, под ним понимается форма придания правилам поведения юридически обязательного характера. Даже и при такой взаимосвязи два этих аспекта не всегда совпадают, поскольку государство создает и издает правовые нормы в виде законодательных и иных нормативных правовых актов либо санкционирует последние, придавая им тем самым юридическую силу (например, нормы международных договоров, нормы, содержащиеся в актах местного самоуправления, нормативные постановления и т.д.), которые без учета истинного содержания причислены к источникам. Например, содержание нормы п.1 ст. 3 ГК РК.

Отсюда исходит еще одно определение. Суть его заключается в том, что под юридическим источником права понимается та официальная форма, в которой излагаются нормы права. Она свидетельствует об их общеобязательном значении. В данном случае это форма выражения государственной воли, ее закрепления в письменном виде. Проще говоря, понятие источника (формы права) употребляется для обозначения того акта, к которому надо обратиться, чтобы найти в нем норму права, необходимую для решения конкретного юридического дела. Однако лишь с этой точки зрения юридические источники (формы) права нельзя рассматривать в отрыве от государства, так как они создаются в результате деятельности государственных органов, называемых «правотворческими» (о некоторых их позициях сказано выше).

Следующий, не менее интересный, немало исследованный признак источника права, который придает ему теоретико-юридическую силу, - это, конечно, его форма. В этих целях в теории под формой (источником) права принято понимать способы придания официальной юридической силы правилу поведения и ее внешнее официальное выражение. Форма лишь показывает, каким способом государство создает, фиксирует ту или иную норму права, в каком виде эта норма доводится до сознания людей. В данном случае выделяют: а) источник права в материальном смысле; б) источник права в идеальном смысле (ранее это называлось «в идеологическом смысле»); в) источник права в юридическом (формальном) смысле. Каждый из них имеет свое научно-практическое содержание. Дело в том, что они обладают основными признаками смыслового значения языка права, выступают их выразителями и в то же время характеризуются фразеологичностью.

Общеизвестно, что источником права в материальном смысле являются развивающиеся общественные отношения. Когда же говорят об источниках в юридическом смысле, то имеют в виду различные формы (способы) выражения, объективизации правовых норм. В таком контексте под источниками права в юридическом смысле понимаются формы выражения, объективизации нормативной государственной воли. Это и есть внешняя форма права в истинном значении термина, которая определяется как способ существования, выражения и преобразования правовых норм. Здесь внутренняя форма права - это структура и связи, *сюда нужно доба-*

вить и содержание (курсив мой - Т.Ж.). Тогда не учитывать это при изучении источника было бы, по крайней мере, высокомерием по отношению к нормам права. Так как нельзя забывать о том, что «земледелие в Калужской губернии не то, что в Казанской» [10]. То же самое относится и к понятию источников конституционного законодательства.

С.Л. Зивс писал, что углубленный анализ приводит к дифференцированному рассмотрению формы права, в частности формы правовой нормы [11, с. 8-9]. Наряду с внутренней формой правовой нормы Д.А. Керимов, например, выделяет внешнюю форму правовой нормы - «выражение вовне внутренне организованного содержания ее». Именно внешнюю форму - форму выражения права - обычно называют источником права. Д.А. Керимов при этом уточняет: «источником права в так называемом формальном смысле» [12]. По нашему мнению, в данном случае сопоставляется внешняя форма источников права с ее внутренней. Семантика такого подхода выражается их сложными взаимоотношениями, внутреннее содержание которых является атопомом формы (источника) права.

Под источником права в идеальном смысле также понимают правовое сознание. Роль правовой доктрины как жизненного источника права проявляется в том, что она создает понятия и конструкции, которыми пользуется правотворческий орган. Как известно, именно юридическая наука вырабатывает приемы и методы установления, толкования и реализации права. Так как сами творцы права не могут быть свободны от влияния правовых доктрин, - более или менее осознанно, но им приходится становиться на сторону той или иной юридической концепции, воспринимать ее предложения и рекомендации. К тому же здесь нельзя не сказать и о том, что в отечественной истории некоторые юридические конструкции, созданные учеными-юристами, тоже входили в правовую систему, закреплялись правом.

Отсюда можно констатировать, что в понятие источника права входят два существенных элемента. Первое - это внешняя форма - форма выражения, форма установления и выражения. Второе - это элемент конститутивный - сообщение, придание норме качества правовой нормы, *но с учетом ее содержания*. Как отмечает С.Л. Зивс, источник права есть внешняя форма объективизации правовой нормы. Причем только объективизированная («в определенной форме») норма становится обязательной правовой нормой, реализация которой обеспечивается соответствующими средствами государственного воздействия. Норма права не существует и не может существовать вне источника права - оболочки бытия правовой нормы [11, с. 9-14]. То есть то, что на формы выражения права оказывают влияние объективные факторы, как бы подтверждается. Это еще раз убеждает в том, что в действительности выбор той или иной формы права не случайность для государства.

На наш взгляд, право, как и язык, является средством общения между государством и членами его общества. При такой раскладке правовой действительности самая совершенная и технически отточенная форма лишена всякой ценности, если она является лишь формой определенного (позитивно оцениваемого) содержания, в ней отсутствует конкретика по той или иной правовой ситуации (ее внутреннее содержание). Поскольку «форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [14].

Таким образом, в научной среде встречается все больше противоречивых взглядов по поводу абсолютного определения термина «источник права», чего не скажешь относительно конституционного законодательства. Может быть, А.П. Чехов был прав: «Мы, русские люди, любим поговорить и послушать... У нас нет людей,

умеющих выражать свои мысли ясно, кратко и просто...». Скорее всего, это касается некоторых субъектов нормотворчества.

В современной российской правовой науке термины «источники права» и «формы права» употребляются в значении внешней формы объективации, выражения права или нормативной государственной воли [15]. На первый взгляд представляется, что независимо от позиции ученых термин «источник права» в нынешнем виде, несмотря на его условность, является удобным в употреблении и к тому же традиционным для мировой юриспруденции, в том числе для государства. Так, в конституционном (государственном) праве термин «источник права в юридическом смысле» является общепризнанным. Под ним принято понимать нормативный акт, в котором содержатся конституционно-правовые нормы [16]. Стало быть, такое представление, возможно, является традиционным для отраслевых юридических наук, но не для конституционного законодательства.

Что касается Конституции РК, то в научной литературе отмечается, что она имеет ряд особых черт, связанных с определением источников права, где перечисляются источники права (пункт 1 ст. 4), которые фиксированы в общих чертах. Однако не все формы нормативных правовых актов, указанных в Конституции, являются ее источниками. Это связано с тем, что основным источником конституционного права выделена Конституция в целом. Здесь необходимо уточнить, что источником формирования национального права служат не только собственно правовые нормы Конституции, но и другие ее элементы: принципы, декларативные положения, понятия, цели, задачи и т.д.

Отличительной чертой конструкции конституционного права РК является то, что в РК сформировалась собственная, специфичная система источников права. Ученые пришли к выводу, что специфика конституционных законов РК состоит в том, что они не вносят изменений и дополнений в Конституцию, а лишь конкретизируют или детализируют некоторые ее нормы путем принятия отдельных законов. Процедура их принятия существенно отличается от процедуры принятия решений об изменении и дополнении Конституции.

Также особенностью системы источников права Казахстана является то, что к источникам конституционного права отнесены обычные законы, принимаемые Парламентом. В данном случае к источникам отнесены законы о гражданстве, о миграции и др., а к источникам отрасли - регламенты Мажилиса, Сената и Парламента, положения о координационных и вспомогательных органах, образуемых Палатами Парламента.

Следующим источником обозначены нормативные указы Президента РК, которые подразделены на три группы: 1) указы, имеющие силу конституционного закона, 2) указы, имеющие силу обычного закона, 3) подзаконные нормативные указы. Объясняется это тем, что Президент РК осуществляет свою правотворческую деятельность путем принятия подзаконных нормативных указов.

В случае делегирования Парламентом своих законодательных полномочий Президенту он вправе принимать указы, имеющие силу закона (п. 2 ст. 45, пп. 3 ст. 53 Конституции). Об этих юридических казусах было сказано выше. Тем не менее считается, что юридическая сила указов Президента, имеющих силу закона, равнозначна юридической силе законов, принимаемых Парламентом. Хотя не все указы Президента являются источником конституционного права. К таковым причислены нормативные указы, содержащие конституционно-правовые нормы.

К другим источникам отнесены нормативные правовые акты Правительства, Декларация о государственном суверенитете РК, при этом подчеркнута ее особое значение как источника, нормы международно-правовых актов, признанных РК, с оговоркой о том, что в них могут содержаться правовые нормы конституционного значения: о правах человека, об общественных образованиях и т.д. Что касается нормативных правовых актов местных представительных органов и органов местного самоуправления, если они содержат конституционно-правовые нормы (решения, уставы, положения), то они будут образовывать отраслевые источники. Их юридическая сила ограничена в пространстве, носит локальный характер.

Имеются и другие характеристики источников. К примеру, А.Т. Ащеулов полагает, что «под источником конституционного права следует понимать юридические формы, способы выражения правовых норм (действующие нормативные акты), регулирующие основные комплексы общественных отношений, образующих предмет конституционного права». По мнению автора, источниками конституционного права являются естественное право и позитивное... Поскольку, практически в Казахстане и других странах СНГ источником конституционного права признается лишь позитивное право: конституция, конституционные законы, иные нормативные акты, содержащие конституционно-правовые нормы... Естественное право воспринимается многими государствами как высшая духовная ценность, морально обеспечивающая неотчуждаемость прав человека, тогда как «естественное право имеет определенное отношение к современному государственно-правовому развитию. Поэтому нельзя разделять мнение тех российских правоведов, которые подобное вневременное, или «прирожденное», внимание права считают лишь частью правового сознания и гарантией демократических институтов, а не формальным источником права или способом объективизации юридических предписаний» [17].

Следовательно, можно согласиться, что одной из причин недостаточной теоретической разработки проблемы являются многозначность и нечеткость самого понятия источника права, поскольку диапазон их применения в праве очень высок и весьма важен.

Таким образом, по мнению автора, под источниками конституционного законодательства современного государства следует понимать нормативные правовые акты, содержащие конституционно-правовые нормы, принятые уполномоченным органом государства, по специальной процедуре либо непосредственно народом, через референдум, обусловленные внутренней взаимосвязью и целостностью, устойчивыми отношениями и связями между ее составными элементами, отличающиеся общеобязательностью и множественностью иерархий.

Библиографический список

1. Ручимская Е.М. Синонимия и омонимия в языке и речи // Русская речь. 2014. № 5. С. 52.
2. Цит. по: Левашов Е.А. Еще один суффикс? // Русская речь. 2013. № 1. С. 51.
3. Конституция Республики Казахстан [официальный текст]: принята на республиканском референдуме 25 декабря 1995 г. : по состоянию на 10 марта 2017 г. // Ведомости Парламента РЭЕЕК. 1996. № 4. Ст. 217.
4. Конституция Российской Федерации [официальный текст]: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 21 июля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 152.

5. Кечекьян С.Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. Кн. 2. - М., 1946. С. 3.
6. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268, в ред. от 27 февраля 2017 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1994. № 23-24 (приложение).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, в ред. от 7 февраля 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Чиркин В.Е. Закон как источник права в развивающихся странах // Источники права. - М., 1985. С. 5.
9. Цит. по: Муромцев Г.И. Источники права: теоретические аспекты проблемы // Правоведение. 1992. № 2. С. 23-30.
10. В.И. Ленин, КПСС о работе партийного и государственного аппарата. 2-е изд., доп. - М., Политиздат, 1980. С. 160.
11. Зивс С.Л. Источники права. - М.: Наука, 1981. - 239 с.
12. Керимов Д.А. Философские проблемы права. - М.: Мысль, 1972. С. 226.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 159; Т. 21. С. 310.
14. Приводится по: Нересяню В.С. Общая теория государства и права / учебник для юрид. вузов и факультетов. - М.: Норма-Инфра-М., 1999. С. 339-400.
15. Кутафин О.Е. Источники конституционного права в Российской Федерации. - М.: Юристъ, 2002. С. 11-19.
16. Конституционное право Республики Казахстан: учебник / сост. А.Т. Ащеулов. - Алматы: КазГЮА, 2001. Гл.1. С. 25-26.
17. Цит. по: Колесников Е.В. Источники российского конституционного права: вопросы теории и методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Саратов, 2000. С. 12.
18. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд. - СПб.: Изд-во Юридического института, 2012. С. 277-282.
19. Марченко М.Н. Источники права. - М.: ТК Велби: Проспект, 2008. - 760 с.
20. Толстик В.А. Иерархия источников российского права. - Н.Новгород, 2002. - 216 с.

С.И.Захарцев*,
В.П.Сальников**

ПРАВОВОЙ ПРОГРЕСС: НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА

Аннотация. С философских и философско-правовых позиций рассматривается феномен правового прогресса. Исследуется само право как общечеловеческая ценность. На основе проведенных исследований формулируются критерии правового прогресса.

Ключевые слова: философия; философия права; прогресс; правовой прогресс; ценности права.

LEGAL PROGRESS: NEW DIRECTION OF RESEARCH OF LAW

Summary. In the article considers phenomenon of legal progress from the point of philosophical and philosophical-legal positions. Furthermore, investigates law itself as universal human value. On the basis of conducted researches by authors formulates criteria of the legal progress.

Keywords: philosophy; philosophy of law; progress; legal progress; values of law.

Проблемы прогресса, и правового прогресса в частности, находились в сфере наших философских и теоретико-правовых интересов. Мы освещали эти проблемы в ранних публикациях, дискутировали, разрабатывали новые подходы к правовому прогрессу, чем вызвали большой интерес у философов и философов права [34; 41]. Вначале отметим, что в философии прогресс в самом общем смысле обычно понимается как развитие от низшего к высшему (от латинского *Progressus* - движение вперед, успех). Такое понимание прогресса достаточно давно получило распространение и в толковых словарях. Например, В.И. Даль определял прогресс как умственное и нравственное движение вперед [11, с. 478]. В современных словарях под прогрессом понимается переход на более высокую ступень в развитии, движение вперед, изменение к лучшему, улучшение [82, с. 281].

* *Захарцев Сергей Иванович* - профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия). E-mail: Sergeyivz@yandex.ru.

Zakhartsev Sergey Ivanovich - Professor of Theory and History of state and Law Chair of Moscow State University of Technologies and Management, Doctor of Juridical Sciences, Professor. E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

** *Сальников Виктор Петрович* - главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: Fonduniver@bk.ru

Sal'nikov Victor Petrovich - Chief Editor, "Juridical Science: History and the Present", Doctor of Juridical Science, Professor, Honored Worker of Science of Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education in Russian Federation. E-mail: Fonduniver@bk.ru

При таком подходе прогресс выступает составляющей диалектики. В основе диалектики лежит развитие, приращение знаний, движение вперед, что и является прогрессом. [16; 19; 24; 28; 29; 47]. Факт, что прогресс неразрывно связан с регрессом, лишь подчеркивает его диалектичность как результат единства и борьбы противоположностей. Для понимания и осознания такого прогресса важна точка отсчета, от которой начинается измерение по принципу «что было» и «как затем стало». Отсюда можно выделить и основные свойства прогресса: относительность и конкретность. Н.И. Кареев писал: «Нет ничего абсолютно совершенного. Есть только именно такие относительные и сравнительные совершенства, а мы их можем расположить в известном порядке... по степени их удаления от несовершенного и приближения к совершенному с нашей точки зрения... Применяя этот идеальный порядок к последовательности исторических фактов, мы оцениваем ход истории как совпадающий или не совпадающий с этим идеальным порядком, то есть как прогрессивный или регрессивный, и, подводя общий итог, высказываем свой суд над целым действительной истории, определяем его смысл» [59, с. 122-123].

Прогресс возможен, судя по всему, в любой системе. Даже если система константна и, казалось бы, не изменяется, такое состояние покоя в историческом отрезке можно оценить как прогрессивное или, напротив, регрессивное. Ведь состоянию покоя предшествовало зарождение, движение, совершенствование. Состояние же покоя опять-таки в более длинном историческом отрезке может выглядеть как застой, а может и как фундамент для дальнейшего движения.

В целом нашему миру, бытию свойственно меняться и развиваться. Известно и справедливо выражение, что у человечества есть только два пути: или прогресс, или деградация; консерватизм в чистом виде противоречит сути законов вселенной. Правдивость данного высказывания ощутима и в окружающей нас природе, и в продуктах человеческой деятельности, например, технике, и в общественной жизни [69; 70]. Наконец, это ощутимо и в сознании человека. Сознанию человека, на наш взгляд, объективно свойственна неудовлетворенность достигнутым. Вслед за реализацией, казалось бы, самых сокровенных желаний наступает временный покой, а далее вновь следуют призывы к движению вперед. И это свойственно не только амбициозным и целеустремленным, но и вроде бы самоуспокоившимся самодостаточным людям. Отсутствие призывов развития, движения вперед влечет деградацию человека. Стало расхожим выражение «кто не идет вперед, тот идет назад: стоячего положения нет» (его авторство приписывается В.Г. Белинскому).

Явления прогресса-регресса присутствуют во всех областях бытия, главное, правильно выбрать ту самую точку отсчета и временной интервал. В связи с этим прогрессов можно выделить бесчисленное множество: технический прогресс, умственный прогресс, нравственный прогресс, экономический прогресс и т.д. и т.п. В свою очередь, такие виды прогресса можно диалектически укрупнять или, напротив, разделять. Например, в техническом прогрессе можно выделить прогресс в области машиностроения, самолетостроения, кораблестроения и т.д. В экономическом прогрессе - прогресс в развитии банковского дела и др. Если смотреть с обратной стороны, прогресс в изучении ядерной физики является составляющей прогресса в физике в целом и далее - научного прогресса.

Здесь отметим, что мы не связываем прогресс исключительно с активной, подчас революционной деятельностью человека по постижению новых научных тайн, достижению новых высот и т.д. Думается, не надо доказывать то, что дви-

жение и развитие материального мира, природы, сознания идет и эволюционным путем.

Очевидная сложность заключается в определении критериев прогресса. Ведь даже названные виды прогресса настолько не похожи друг на друга и, соответственно, кардинально различны критерии их оценок.

В научной и учебной литературе встречались попытки определения общего, универсального критерия прогресса. Нам наиболее понравился подход к уяснению такого критерия через системно-структурный научный метод. Если оценивать прогресс в каком-либо явлении бытия или процессе системно-структурно, то в общий, универсальный критерий прогресса включаются следующие признаки:

- увеличение степени дифференцированности (разнообразия) системы, сопряженное с интегрированностью ее частей, компонентов;
- усиление мобильности, эффективности и надежности материальных систем, увеличение их способности преодолевать противоречия;
- воспроизведение в расширяющихся масштабах основных функций системы;
- рост автономности системы по отношению к внешним условиям;
- усиление степени организации, степени целостности системы [3, с. 492].

Вместе с тем и такой подход не может удовлетворить все запросы. Так, очевидно, что он все же не полностью применим к оценке социальных явлений, даже если рассматривать их как систему. И особенно не применим к прогрессу в сознании и умственному прогрессу, над познанием которого бились многие поколения философов.

Таким образом, проблему определения общего, универсального критерия прогресса философия и наука пока не решили. Это заставляет искать критерии прогресса непосредственно для каждого из его видов.

При этом нас, естественно, в первую очередь интересует прогресс в юриспруденции, или правовой прогресс, который, как нам кажется, относится к научному ведению философии права [42; 43].

Здесь уместно задать вопрос о том, существует ли правовой прогресс? Ответ на такой вопрос должен быть положительным. С развитием человека совершенствуется и право, правовая регламентация его деятельности. Так, современное гражданское право во многом базируется на римском праве, однако значительно ушло от него вперед по регламентации конкретных видов деятельности. В уголовном праве обоснованы и введены понятия состава преступления, его элементов, установлены сроки давности привлечения к ответственности, признаны недопустимыми телесные наказания и т.д. В уголовно-процессуальном праве отменены такие виды установления истины, как поединок, испытания, пытка. То есть правовой прогресс налицо.

Вместе с тем это явление философией права подробно не изучалось. В связи с этим в своих исследованиях мы будем отталкиваться от философского понимания прогресса в целом, на основе чего логично обратимся и к его правовой составляющей.

Правовой прогресс следует определить как переход на более высокий уровень развития права, улучшение правовой регламентации [40].

Первоначально нам хотелось связать правовой прогресс исключительно с качественным улучшением правовой регламентации. Нам казалось, что качественность изменений является ключевым понятием, фиксирующим переход от одного состояния в другое. И такая точка зрения в принципе была неплохо обоснована. Вместе с тем, обобщив и заново осмыслив эмпирический материал, мы отказались от такого подхода. Например, в результате научных работ происходит уточнение какого-либо

понятия в законе. Казалось бы, мелочь, однако такое улучшение - даже незначительное! - позволяет лучше понять правовую норму, избежать ошибки в ее применении. Это разве не прогресс? Подобное уточнение в данном случае не связано с глобальным улучшением, не влечет качественных позитивных изменений, но все равно это ведь движение вперед. А значит, прогрессивное движение! Кроме того, всем известен пример о значении запятой в выражении «казнить нельзя помиловать». Всегда ли мы до конца понимаем значение сделанных изменений в правовых нормах? Всегда ли их можно точно просчитать? Наверное, нет. Поэтому позитивные изменения в правовой регламентации есть прогрессивное движение, правовой прогресс.

Основными свойствами правового прогресса являются относительность и конкретность.

Относительность прогресса заключается в определении предмета (явления, процесса, действия и т.д.), по отношению к которому оценивается прогресс. Например, в СССР не было широкого доступа к мировой правовой мысли. А если доступ и случался, то правовые идеи рассматривались исключительно через призму критики. В настоящее время любой специалист имеет свободный доступ к любым книгам о праве, возможность высказать по ним свою оценку и не будет подвергнут за это осуждению и тем более репрессиям. То есть относительно СССР в России в части юридической науки, доступа к праву правовой прогресс налицо.

Отсюда вывод: прогресс не является научной абстракцией, он всегда конкретен. Выявление прогресса подразумевает конкретику, четкий и понятный результат. В частности, открытие значения отпечатков пальцев позволило с начала XX века активно использовать их в раскрытии преступлений, чего объективно не было в предыдущий период. А если сравнивать криминалистические средства начала XX века с современными возможностями криминалистики, то опять же очевидное прогрессивное развитие налицо. Вопросы правового прогресса в правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса затрагивались нами во многих научных работах [7; 9; 13; 22; 51; 18; 30; 27; 21; 50; 26; 52; 20; 23; 17; 65].

Как и для прогресса в целом, прогресс в одном компоненте правового регулирования подчас влечет движение назад в другом. Такие движения происходят взаимосвязанно, взаимозависимо и системно. Рассмотрение права как системы норм позволяет оценить правовой прогресс через призму системно-структурного подхода.

В этом случае, возвращаясь к вышеизложенному, правовой прогресс будет характеризоваться уровнем автономности правовой системы по отношению к внешним условиям, увеличением способности преодолевать внутренние противоречия, улучшением степени организации и целостности системы. Говорить о полной автономности права в современном мировом развитии, конечно, не следует. Право, как и любое другое социальное явление, достаточно зависимо от внешних условий. Например, смена государственного курса, политического режима неизбежно влекут изменения в законодательстве. Об автономности правовой системы можно говорить в контексте того, чтобы право даже при неизбежных изменениях выполняло функцию осуществления правосудия, защиты человека от противоправных посягательств, обеспечения законности в государстве, уважения свобод человека и его достоинства. То есть даже при существенных изменениях государства право должно ограждать человека от насилия, уничтожения его достоинства и личности, пыток, истязательства, произвола.

Правовой прогресс можно рассматривать глобально (широко) и конкретно (узко). Глобальный подход связан с развитием человечества в целом, его правосознания, правовой культуры. В глобальном смысле протекающие в современном обществе правовые процессы наши последователи смогут оценить не скоро, не ранее чем через лет сто. В свою очередь, оценить наличие правового прогресса по сравнению с предыдущими столетиями мы можем. И, как уже отмечено, пришли к выводу о наличии прогресса, что выражается в том числе в запрете пыток, совершенствовании доказательственного права и пр.

Узкий подход к изучению прогресса относится к конкретному (в основном современному) этапу развития человечества. Оценивать правовые процессы в узком смысле необходимо всегда.

В настоящий момент в правовой реальности наблюдается как диффузия различных правовых систем, так и их дальнейшее разграничение, разделение; как перенимание опыта других стран в части правового регулирования, так и упорное следование страны «своим» курсом, игнорирование мировой практики; как внедрение перспективных научных достижений, так и полное игнорирование мнения ученых, их оттеснения от возможности влиять на процесс формулирования законов; как четкое движение в направлении совершенствования правовой регламентации, так и, напротив, маятниковое движение, то есть принятие одной концепции, затем отход от нее и принятие противоположной концепции, потом опять возвращение к первой и т.д.; как издание нормативных правовых актов для «длительного использования», так и «под конкретное лицо».

Нами проведено весьма интересное исследование правового прогресса за последние двадцать пять лет [19].

Были опрошены восемьсот человек в возрасте от 50 лет, имеющих высшее образование. Из них 400 человек имеют высшее неюридическое образование и не имеют отношения к правовой сфере. Другие 400 человек имеют высшее юридическое образование, работали в правоохранительных органах либо преподавали правовые дисциплины.

Возраст опрошенных людей был выбран не случайно. Если брать их минимальный возраст - 50 лет, то соответственно 25 лет назад они все уже были взрослыми образованными людьми со сформировавшимся мировоззрением и системой ценностей. Хотя этот вопрос и не был задан, но скорее всего каждый из респондентов к двадцати пяти годам уже имел высшее образование или как минимум его получал. То есть каждый из опрошенных имеет возможность достаточно объективно, аналитически «взросло» оценить правовые процессы в России за прошедшие 25 лет.

Респондентам были заданы два вопроса:

1. Как, на Ваш взгляд, изменилось право, правовое регулирование за последние 25 лет? Что стало лучше, а что хуже?
2. Правовое регулирование за прошедшее 25-летие в целом улучшилось или ухудшилось?

Среди неюристов:

47 % опрошенных заявили, что право, по их оценкам, 25 лет назад было более справедливым, чем сейчас. При этом 41 % отметили, что в настоящее время судебное решение более зависит от денег, связей, статуса, административного ресурса, чем раньше.

34 % опрошенных отметили, что у человека сейчас появилось значительно больше возможностей изучать право самому и получить правовую информацию. При этом 50 % показали, что в настоящее время стало больше юридически грамотных людей, чем было ранее.

Однако 62 % показали, что право, по их мнению, стало более запутанным и противоречивым. И несмотря на доступность через Интернет правовых актов, в них трудно разобраться без помощи юристов-специалистов. А 59 % заявили, что право сейчас стало не для людей в широком смысле, а для юристов, которые еще больше его запутывают, поскольку в праве отсутствует простота изложения.

27 % как положительное отметили, что в настоящее время по отношению к предыдущему стало значительно больше личных прав и свобод (в первую очередь свободы слова и передвижения). Но 18 % отразили, что сейчас, по сравнению с предыдущим временем, в праве забыты интересы государства и общества.

При этом 71 % показал, что 25 лет назад они чувствовали себя гораздо более защищенными правом, чем сейчас. Возможно, поэтому в отношении правового прогресса на прошедшем двадцатипятилетнем отрезке опрошенные высказались так:

- 54 % опрошенных заявили, что правовое регулирование за последние 25 лет в целом ухудшилось;
- 32 %, напротив, показали, что правовое регулирование улучшилось;
- 14 % затруднились с ответом.

Опрос юристов дал следующие результаты.

68 % опрошенных заявили, что право стало более противоречивым, чем было ранее.

72 % сказали, что по сравнению с предыдущими годами значительно увеличился правовой массив. При этом 67 % опрошенных показали, что сейчас в силу необходимости сильно распространяется узкая специализированность юристов. Если 25 лет назад специализация не была столь очевидна и носила общий характер (например, специалист по уголовным делам и специалист по гражданским делам), то сейчас только в гражданском праве появился и развился десяток направлений, требующих глубины знаний по конкретным делам и случаям.

По мнению 34 % опрошенных, в настоящее время стало больше декларативных нормативных правовых актов, не имеющих правового механизма реализации. В развитие этого 28 % обратили внимание на отсутствие или непроработанность, по сравнению с предыдущими годами, механизмов привлечения к ответственности за несоблюдение законов.

45 % сказали, что ранее право было более справедливым, чем сейчас, и в целом менее зависело от служебного положения, личных связей, денег. То есть ранее в праве было больше возможностей и шансов объективно и беспристрастно рассмотреть дело, спор и получить справедливый результат. О том, что сейчас правовое регулирование стало больше стремиться к справедливости, чем ранее, заявило всего 2 % юристов.

70 % отмечают значительно возросший за последнее двадцатипятилетие уровень правовой грамотности населения. Вместе с тем 47 % отметили резкое падение правосознания населения и стремление знать право для того, чтобы избежать ответственности.

73 % опрошенных показали, что в отличие от предыдущего времени сейчас в праве усилился приоритет личных прав и свобод по сравнению с общественными

и государственными интересами. Однако 41 % опрошенных оценивает появившийся приоритет личных прав не положительно и считает, что оптимального соотношения личных прав и государственных, общественных интересов сейчас не имеется.

В отношении правового прогресса за прошедший двадцатипятилетний отрезок опрошенные юристы высказались так:

- 37 % заявили, что правовое регулирование за последние 25 лет в целом ухудшилось;
- 36 % показали, что правовое регулирование улучшилось;
- 27 % затруднились с ответом.

Полученные результаты, думается, интересны всем - как юристам, так и не-юристам, как участникам опроса, так и широким массам.

Оценивая результаты, надо непременно иметь в виду, что за прошедшее двадцатипятилетие произошла коренная ломка существующего строя в России, существенно изменилось и законодательство. При кардинальных изменениях на первом этапе всегда возникают существенные противоречия законов, нестыковки нормативных актов, разные трактовки тех или иных событий. На этапах ломки существующего строя, общественного бытия правовое регулирование, видимо, происходит регрессивно. Однако в дальнейшем оно выравнивается и развивается уже вперед. Представляется, что если бы мы проводили опрос вскоре после 1917 года и последующей гражданской войны, то правовое развитие тоже было бы названо скорее регрессивным, чем прогрессивным. Вместе с тем последующие годы принесли советскому праву и значительные достижения.

Мы уверены, что критика современного правового регулирования, во-первых, объективна, а во-вторых, многие из высказанных замечаний в дальнейшем будут устранены.

Результаты опроса важны тем, что на их основе можно выделить основные критерии правового прогресса [19]. Критерии, важные именно для права, волнующие не только юристов, но и всех членов общества.

Первое. Очевидно, что все ждут от права и правового регулирования **справедливости**, хотя понимание ее различно [55; 56; 57; 85; 86; 87]. Постоянное достижение справедливости выступает одним из главных критериев оценки правового регулирования. Более того, справедливость дает уверенность в **защищенности** человека правом от противоправных действий. И абсолютное большинство людей оценивают право именно исходя из того, добились ли они справедливого, честного решения в правовом споре. В таком случае они чувствуют себя действительно защищенными.

Показательно, что практически все юристы и не юристы, затронувшие тему справедливости, однозначно считают, что за последние 25 лет право и правовое регулирование стало менее справедливым, стало меньше возможностей получить объективный и справедливый результат [24].

Второе. Правовой прогресс связан с **понятностью** нормативных правовых актов, **простотой** их изложения. Сейчас, судя по всему, отпала необходимость в таком критерии, как правовая доступность. Нормативные правовые акты через Интернет и другие коммуникативные средства стали доступны для всех. Однако другой критерий прогресса - понятность и простота правовых норм - стал еще более очевиден. Доступность текста нормативного документа вовсе не означает его понятность, простоту понимания и применения. Все люди, и не юристы, и юристы, стремятся имен-

но к простоте изложения норм, а отталкиваясь от нее - к понятности нормы. Понятность и простота изложения являются важным шагом к преодолению человеком правовой безграмотности, к невозможности его одурачить и, соответственно, к минимизации возможности совершения в отношении его и его близких неправомερных действий.

Известна фраза о том, что если бы законы были просты и понятны всем, необходимость в адвокатах отпала бы сама собой. Житейская логика и опыт человеческой жизни подсказывают, что мы никогда не добьемся того, чтобы законы были абсолютно всем понятны и просты для восприятия. Юристы за свою профессию могут не переживать. Однако стремиться к четкости, ясности и понятности правовых норм мы должны всегда. И это, несомненно, является важным критерием правового прогресса.

Третье. Говорить о правовом прогрессе можно только в случае, если правовые нормы носят не декларативный характер, а имеют четкий **правовой механизм реализации**. Опрос показал, что многие из нормативных актов не исполняются по причине того, что не выработан механизм их применения. Когда нормы только провозглашают что-либо, и не более того, они становятся ширмой, за которой можно творить беззаконие. Такие нормы роняют авторитет права и закона в глазах законопослушных граждан, провоцируют их на совершение противоправных действий. Только четкий и последовательный порядок исполнения конкретных норм позволяет прийти к искомому результату - законности.

Четвертое. Критерием правового прогресса является **уровень правосознания и правовой культуры человека**. Если право во всем его многообразии и государственно смогли добиться повышения уровня законопослушности населения, то это, несомненно, является важным критерием правового прогресса и как свершившегося факта, и как базиса для дальнейшего развития [10; 66; 72; 80].

И напротив, низкий уровень правосознания показывает недоверие населения к праву, сомнение в возможности его реализации. При таких обстоятельствах говорить о правовом прогрессе несерьезно и нелепо. От подобного права не будут ждать справедливости и защиты; его понятность вызовет у населения усмешку, так как независимо от требований норм закон соблюдаться не будет; правовой механизм реализации норм никого интересовать не станет.

Этот критерий можно определить также как **уровень доверия** к праву [12; 25; 44; 46].

Следует сказать, что опрос показал и другие моменты, требующие осмысления и соответствующих корректировок в правовой политике. В течение последних 25 лет человек, его жизнь, права и свободы признавались высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Многие специалисты считали заслугой современности приоритет прав человека перед общественными правами. Это заметно населению - как юристам, так и не-юристам. Однако отношение к такому положению дел, как показал опрос, далеко не однозначное. Во-первых, из неюристов на приоритет личных прав обратило внимание не такое уж значительное число респондентов, при этом большинство из них отметили, что сейчас в праве забыты интересы государства и общества. Среди юристов факт приоритета прав личности отметило значительное количество. Но и в этом случае, что показательно, большинство специалистов оценили данный приоритет не положительно и отметили, что оптимального соотношения личных прав и общественных интересов сейчас не имеется.

Перед опросом мы полагали, что защита прав человека, приоритет прав человека станет одним из критериев прогресса. Однако исходя из результатов опроса надо признать, что приоритет личного над общественным не только не считается прогрессом, но и, по мнению некоторых, свидетельствует о регрессивности правового регулирования. Возможно, что в других странах это выглядит иначе. Но в России, о чем не раз говорилось, права государства и общества в шкале значимости традиционно располагаются не ниже, чем личные права.

В связи с этим даже не ясно, можно ли выделять в качестве критерия правового прогресса наличие разумного баланса между интересами личности, общества и государства? В предложенной нами формулировке, наверное, можно. Но с обязательным условием, чтобы названный баланс был действительно, реально воспринят населением и обществом [19].

Поэтому, можно сказать, диалектика показывает, что, с одной стороны, логично и правильно стремиться установить четкую правовую регламентацию всех правовых отношений. С другой стороны - противоположность - люди стремятся к краткости и понятности нормативных правовых актов, а отнюдь не к их разбуханию, сложности восприятия, что неминуемо при увеличении правового массива. Это диалектическое противоречие находится в центре правовой регламентации.

Одновременно с этим сейчас наблюдается явное накопление правовых знаний, увеличивается их объем. При этом перехода в качественно лучшее измерение пока не происходит. Однако очевидно, что мы на пути перехода от количества нормативных правовых актов именно в сторону их качественного изменения, упрощения, облегчения применения.

В заключение повторим основные критерии правового прогресса:

- достижение справедливости в правовых отношениях, защищенность человека правом;
- понятность нормативных правовых актов, простота их изложения;
- четкий правовой механизм реализации норм;
- уровень правосознания и правовой культуры, уровень доверия к праву;
- наличие разумного баланса между интересами личности, общества и государства.

Изложенное выше и сделанные выводы позволяют отдельно порассуждать о ценностях права. Вначале надо сказать, что по вопросу о том, что есть ценности права, теоретики и философы права к единому мнению традиционно не пришли. Называются самые различные подходы. Но! На что хотелось бы обратить внимание нам.

В одном из недавно вышедших учебников по философии права, изданном под редакцией уважаемого профессора М.Н. Марченко, понятия ценностей и ценностей права даны весьма субъективно. Автор глав о ценностях доктор философских наук В.Н. Жуков случайно или принципиально отошел от принятого в обществе подхода к ценностям как к важным, значимым, полезным явлениям. При написании соответствующего параграфа он базировался на принципиально другом подходе, согласно которому «в широком смысле под ценностями обычно понимают явления действительности (факты идеального и реального мира), имеющие то или иное значение для общества, его групп или отдельных людей» [83, с. 301]. Далее он пишет, что деление ценностей на позитивные и негативные принимается далеко не всеми. Если под ценностью понимать некую полезность, то негативных ценностей быть не мо-

жет. Но если исходить из понимания ценностей как явлений действительности, имеющих какое-то значение для людей, то признание негативных ценностей вполне оправданно [83, с. 322].

Подход, изложенный В.Н. Жуковым, действительно имеется в философии. Он связан с мировоззрением мыслителей о том, что многие общественные явления могут позитивно восприниматься одними и негативно - другими. То есть одно и то же явление может быть позитивной ценностью для одних и негативной ценностью - для других. На основании этого отдельными философами формулировался вывод, что нет ценностей, которые только позитивны и только негативны, исходя из чего ценности предлагалось рассматривать как противоречивое явление.

Однако такой подход разделяют далеко не все философы. И в первую очередь потому, что явления и ценности нельзя считать синонимами. К разным явлениям действительно можно относиться по-разному - это так. Но слово «ценность» специально выделено как понятие, изначально имеющее позитивное значение, позитивную окраску. Под ценностью понимается тот предмет или явление, позитивное значение, польза и значимость которого уже доказано и оценено. В отношении таких предметов (или явлений) говорится, что они полезны. Ценность есть оценочная, а точнее - позитивно оценочная категория явления или предмета. Для негативных оценок в науке и русском языке существуют другие термины, но вовсе не слово «ценность». Иначе общество запутается в понятиях.

Предложенные В.Н. Жуковым рассуждения о негативных ценностях для права вообще неприемлемы. Ибо тогда всерьез придется рассуждать о ценности преступления, в том числе ценности терроризма, умышленных убийств, людоедства, издевательств над детьми и т.д. Для чего при описании таких действий употреблять всем понятное слово «ценность», неясно. В чем смысл оценивать такое явление, как каннибализм и действия маньяка, насильничавшего и убивающего детей, как «негативную ценность»? Нам кажется, что рассуждения В.Н. Жукова близки к софистике либо он понимает право совсем не так, как многие другие.

Кроме того, такое явление, как преступность, всегда однозначно негативно воспринимается всем обществом и правом, что четко опровергает теорию отдельных философов, утверждающих, что все явления противоречивы. Если гипотетически предположить, что и преступность имеет позитивное значение, то мы потеряем смысл самого права, правоотношений.

И, наконец, совсем не понятно, для чего названные рассуждения В.Н. Жукова размещать в учебнике! Описанный В.Н. Жуковым подход к ценностям, как уже отмечалось, многими философами не поддерживается. И мы их мнение разделяем.

Надо сказать, что цитируемый учебник по философии права под редакцией профессора М.Н. Марченко получился весьма полезным и содержательным. Он достоин положительных оценок. Но третий раздел, написанный В.Н. Жуковым и посвященный аксиологии государства и права, в учебнике, на наш взгляд, не удался.

Мы также не согласны с подходом, что философией права право само по себе рассматривается как ценность. Право есть многогранное, противоречивое явление [35; 38; 39]. Мы к пониманию права подходим всеохватывающе (комплексно) [31; 32; 33; 36; 37; 45; 48; 49]. В нем имеются и положительные, и отрицательные грани, каждая из которых характеризует право. Однако в этом нет его ценности, напротив, любой человек и любое общество хотят, чтобы оно было непротиворечивым, понятным и легко реализуемым.

При этом право само по себе, без людей и без жизни, совершенно не имеет никакой ценности. На этот, казалось бы, несложный вывод следует обратить внимание вот почему. Существование человека и человечества на Земле, несомненно, является ценностью само по себе. Если взять ступень ниже и определить, какие ценности имеются в жизни, то этот перечень может быть очень длинным и, конечно, индивидуальным. Здесь и здоровье, и работа, и отдых, и семья, и друзья, и книги, и наука, и образование, и т.д., и т.п. Но может ли относиться к таким ценностям право? На наш взгляд, нет, по той простой причине, что право, как уже отмечалось, является обязательным спутником человеческого существования. Без права, даже установленного самим человеком для себя самого, он банально не сможет существовать. Тем более без права, пусть даже на примитивном уровне правовых обычаев, не может существовать ни одно общество. Так же, как человек не может существовать без пищи и воздуха. Является ли воздух ценностью для человека? Ценностью является чистый воздух. А сам по себе воздух - это скорее не ценность, а просто необходимое средство существования. Не будет воздуха - не будет и жизни. Равно как ценностью является здоровая полезная пища. Но сама пища - лишь обязательное средство существования человека и человечества.

Также и право само по себе есть обязательное условие жизни человека и общества. Не будет у человека права, хоть каких-нибудь норм, определяющих его жизнедеятельность, он не сможет выжить. А вот справедливость права, простота и понятность его норм и т.д. - уже ценности права.

При этом справедливость, в том числе и права, может быть для каждого человека, для различных групп людей и обществ, как и ценности, - своя. В современных условиях общество столкнулось с ситуацией, когда ценности, культивируемые в Западной Европе и США, существенно отличаются от российских ценностей, а в сфере традиционной российской семьи и брака [1; 2; 5; 6; 14; 58; 60; 61; 62; 63; 81] их можно характеризовать как антиценности [4; 8; 15; 53; 54; 64; 67; 68; 71; 73; 74; 75; 76; 77; 78; 79; 84].

Может быть, для разрешения проблем аксиологии права как исходную точку необходимо рассматривать выработанные основные критерии правового прогресса: справедливость в правовых решениях, защищенность человека правом, понятность нормативных правовых актов, простоту их изложения, четкий правовой механизм реализации правовых норм? Ведь именно они особо значимы для общества, людей и конкретного человека. А право, как отмечалось, нужно не само по себе, а для людей.

Библиографический список

1. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России: общая историко-правовая характеристика // Правовое поле современной экономики. - 2014. - № 10. - С. 106-109.
2. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. - 2013. - № 12. - С. 130-134.
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. - М., 2005.
4. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. - 2015. - № 1. - С. 86-91.

5. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. - 2015. - № 38(48). - С. 86-92.
6. Ананских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века: сравнительно-правовое исследование // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 9. - С. 81-95.
7. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности / под ред. В.П. Сальникова. - СПб, 2005.
8. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. - Серия: Политология. - 2010. - № 1. - С. 31-35.
9. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / под ред. В.П. Сальникова. - СПб, 2004.
10. Галиев Ф.Х. Правовая культура и регулирование общественных отношений. - М.: Этносоциум, 2009. - 184 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. - М., 2007.
12. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. - 2015. - № 7. - С. 191-199.
13. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи: правовой анализ / под ред. В.П. Сальникова. - СПб, 2005.
14. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. - 283 с. (Золотой фонд).
15. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. - 2015. - № 11. - С. 90-98.
16. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. - 2012. - № 7. - С. 62-69.
17. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. - 2013. - № 10. - С. 137-141.
18. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. - СПб, 2011.
19. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. - М., 2014.
20. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. - 2012. - № 11. - С. 163-172.
21. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / под ред. В.П. Сальникова. - СПб, 2003.
22. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: общие положения. - СПб, 2004.
23. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2003. - Т. 4. - С. 135.

24. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. - 2012. - № 9. - С. 146-152.
25. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. - 2012. - № 2. - 48-53.
26. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский университет МВД России. - СПб, 2002.
27. Захарцев С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий: дис. ... докт. юрид. наук. - СПб, 2004.
28. Захарцев С.И. Философия права: некоторые размышления по поводу предмета // Мир политики и социологии. - 2012. - № 7. - С. 122-131.
29. Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. - 2012. - № 8. - С. 49-54.
30. Захарцев С.И., Медведев В.Н. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / под общ. ред. В.П. Сальникова. - СПб, 2004.
31. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем комплексный подход // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 9. - С. 17-30.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. - 2015. - № 8. - С. 11-26.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. - 2016. - № 9. - С. 19-24.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. - 2015. - № 2(3). - С. 113-121.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. - 2016. - № 3(93). - С. 179-183.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). - М.: Юриспруденция, 2016. - С. 112-117 (в кн. 480 с.).
37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании комплексного подхода для познания права // Теория государства и права. - 2016. - № 2. - С. 39-58.
38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. - 2016. - № 3. - С. 24-25.
39. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. - 2015. - № 9. - С. 17-22.
40. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс - новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. - 2016. - № 4. - С. 171-188.
41. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. - 2015. - № 9. - С. 17-31.
42. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. - 2016. - № 9. - С. 175-192.

43. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 1. - С. 13-30.
44. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. - 2013. - № 11. - С. 11-29.
45. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. - 2016. - № 3. - С. 170-183.
46. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. - 2015. - № 11. - С. 172-180.
47. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. - М., 2015.
48. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. - 2016. - № 3. - С. 5-9.
49. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. - 2015. - № 2(40). - С. 14-22.
50. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. - СПб, 2010.
51. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке. - СПб, 2006.
52. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. - М., 2015.
53. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. - 2012. - № 2. - С. 138-147.
54. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). - 2013. - № 3. - С.109-112.
55. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. - 2016. - № 5. - С. 87-92.
56. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях первой трети XX века // Мир политики и социологии. - 2016. - № 7.
57. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях середины XX - начала XXI веков // Мир политики и социологии. - 2016. - № 8.
58. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. - 2009. - № 5. - С. 42-50.
59. Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Н.И. Кареев. Собр. соч. Т.1. История с философской точки зрения. - СПб, 1912. - С. 122-123.
60. Квачадзе О.Б., Романовская Л.Р., Семенова М.В. Статус свободной женщины и детей в европейском средневековом городском праве // Мир политики и социологии. - 2015. - № 7. - С. 140-146.
61. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. - 2005. - № 4. - С. 32-37.
62. Никонов С.П. Семейное право в решениях волостного суда // Журнал М-ва Юстиции. - 1902. - № 10. - С.79-104.

63. Романовская В.Б., Петикян С.Г., Семенова М.В. Заключение и расторжение брака по Судебнику астраханских армян XVIII века: страницы истории права // Юридическая наука: история и современность. - 2013. - № 12. - С. 104-110.
64. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 7. - С. 44-50.
65. Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве / под общ. ред. В.И. Рохлина. - СПб, 2007.
66. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. - 2005. - № 11. - С. 48-53.
67. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. - 2015. - № 8. - С. 11-22.
68. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. - 2014. - № 11.
69. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. - 2016. - № 2. - С. 175-193.
70. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Трансформация правовых ценностей в эпоху научно-технического прогресса // Юридическая наука: история и современность. - 2016. - № 9. - С. 59-69.
71. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. - 2015. - № 9. - С. 193-202.
72. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2005. - № 3. - С. 7-13.
73. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. - 2015. - № 7. - С. 11-18.
74. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 9. - С. 58-68.
75. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. - 2015. - № 7. - С. 173-179.
76. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. - 2015. - № 38(48). - С. 192-198.
77. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. - 2015. - № 3(41). - С. 16-22.
78. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. - 2013. - № 10. - С. 170-191.
79. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. - 2004. - № 4(24). - С. 29-31.
80. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и методологии: дис. ... докт. юрид. наук. - Екатеринбург, 1996. - 288 с.

81. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. - 2013. - № 12. - С. 111-116.

82. Толк. словарь русского языка / А.Е. Баханьков, И.М. Гайдукевич, П.П. Шуба. - Мн. 2000.

83. Философия права: в 2 т. Т. 1. / под ред. М.Н. Марченко. - М., 2014.

84. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. - 2015. - № 38(48). - С. 81-85.

85. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2015. - 28 с.

86. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. - 2015. - № 1. - С. 13-23.

87. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. - Л.: ЛГУ, 1980. - 120 с.

О.Г.Печникова*

ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРАНТИННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ В XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВВ. КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: В статье анализируется эволюция формирования общественной потребности в организации деятельности карантинной службы в России в XVIII - начале XIX вв., планомерное включение противоэпидемических мероприятий в ряд важнейших задач внутренней и внешней политики, в том числе обуславливающих экономическое развитие государства и нашедших правовое закрепление в нормативных источниках, их определяющих и составляющих значительную часть процесса институционализации медицинской деятельности, продолжающегося и в наше время.

Ключевые слова: проблемы теории и истории государства и права, нормативное регулирование карантинной службы в России, история и теория права, права человека и гражданина, институционализация медицинской деятельности.

LEGAL CONSOLIDATION OF THE BASIC PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION OF QUARANTINE SERVICE IN RUSSIA IN XVIII - THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY, AS PART OF THE INSTITUTIONALIZATION PROCESS MEDICAL ACTIVITY

Abstract: This article analyzes the evolution of the formation of public need in the organization of quarantine service in Russia in XVIII - the beginning of the XIX century, the systematic inclusion of anti-epidemic measures in a number of important problems of internal and foreign policy, including that determine the economic development of the country and have found legal consolidation in regulatory sources, and their determinants which constitute a substantial part of the process of institutionalization of medical activity continued in our time.

Keywords: problems of theory and history of state and law, regulation quarantine service in Russia, history and theory of law, human and civil rights, institutionalization of medical activity.

Формирование общественной потребности в организации деятельности карантинной службы в России в XVIII - начале XIX вв. началось в более давние времена,

* Печникова Ольга Глебовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФБОУ ВО РГУ нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина. E-mail: lex1881@mail.ru

Pechnikova Olga G. - doctor of law, associate professor, department of theory and history of state and law of Russian Govern University of oil and gas (national research university) named after IM Gubkin.

с момента появления опустошающих эпидемий. Первую «крепкую заставу» рядом с местом, где «морвое поветрие было», в 1592 г. дислоцировало в городе Ржеве военное ведомство, вводя в ней апробированные в баталиях принципы охраны военного объекта, куда входили, например, оцепление и охрана территории, ограничение транзита, предусматривалось применение жестоких санкций к нарушителям [1].

Основной целью первых карантинных мер было: задержать на несколько недель людей и товары, препятствуя попаданию инфекции в крупные города. Этот срок позволял выявить больных, проветрить или «предать огню» товары. Долгое время в организации карантинных мероприятий отсутствовало нормативно закрепленное обязательное участие медиков. Впервые их присутствие 24 октября 1718 г. нормативно закрепил Сенатский указ Петра I «О посылке из Аптекарского приказа в Старооскольскую и Белгородскую провинции лекарей для осмотра на людях моровой язвы, об устройении на дорогах крепких застав и в удобных местах виселиц, дабы никто не проезжал, под смертною казнию» [2]. Ряд положений об организации карантинных обозначились в Морском Уставе от 13 января 1720 г. [3], а также в «Регламенте о Управлении Адмиралтейства и верфи и части второй Регламента Морского» от 5 апреля 1722 г. [4]. Далее, участие Российской империи в межгосударственных соглашениях проявилось в состоявшемся договоре между Россией, Швецией и Данией согласно Именному указу от 15 мая 1739 г. «О даче паспортов кораблям, с прописанием о здоровом состоянии пассажиров» [5].

Оценивая финансовые потери из-за эпидемии и понимая экономическую выгоду, получаемую от большего вклада в производство здоровых людей, Екатерина II утвердила Именной указ от 5 сентября 1784 г. «Об учреждении застав в Иркутской губернии, для предосторожности от болезни» [6]. Принципы организации карантинной службы в Российской империи были систематизированы и изложены в Указе от 6 мая 1786 г. «Положения о карантинном доме на острове Сескаре» [7]. Имеющиеся в нем положения во многом соответствовали прежним законам, продолжавшим свое действие, и переносились в последующие (например, в Именной указ, данный Сенату от 28 апреля 1805 г. «О запрещении привозного торгу старым платьем, обувью, бельем, постельями и всякими лоскутьями» [8]).

Утвержденным Павлом I Докладом Медицинской Коллегии «Об учреждении Медицинских Управ» от 19 января 1797 г. [9], на Управу возлагалась не только работа, связанная с лечением больных, сбором данных о болезнях и санитарно-просветительскими мероприятиями. Становясь на передовой линии в борьбе с опасной инфекцией, Врачебная Управа оповещала Медицинскую Коллегию об идентифицированном заболевании, предоставляла данные статистики, служила источником для сбора и накопления данных по лечению и профилактике болезней с использованием имеющегося опыта и практических знаний губернских медиков.

В местах скученности людей на промышленных предприятиях происходило увеличение заболеваемости, связанное с быстрым распространением высококонтактной инфекции. В связи с этим собственные медики не могли справиться с лечением в условиях эпидемии. Медицинская Коллегия дополнительно командировала своих сотрудников на борьбу с болезнями. Так происходило, например, при устранении эпидемии «в окрестностях Колывановских заводов» [10].

В целях реализации государственной задачи по соблюдению «нужной осторожности, против моровой язвы» был принят «Устав пограничных и портовых карантинных, Всеподданнейший доклад от действительных тайных советников: госу-

дарственного казначея барона Васильева, Коммерц-Коллегии президента князя Гагарина, вице-канцлера графа Панина и генерала от инфантерии и генерал-прокурора Оболянинова» от 7 июля 1800 г., (далее - Устав пограничных и портовых карантинных от 7 июля 1800 г.) [11].

Настоящий закон служил основой в формировании иного отношения к возможностям карантинной службы, позволяя «умножить государственный доход»: предоставлял возможность реализации обеззараженного товара и препятствия разорению хозяев корабля. Причиной разорения являлось добросовестное следование закону, обязывающему «предавать огню корабль и другое мореходное судно со всем грузом, на котором оказалась моровая язва». В противном случае запрещалось заходить в порт. «Ради собственного спасения, скрыв свое несчастье», владельцы кораблей зачастую пытались спрятать больных, изменяли название государства, откуда прибыли, производили попытки войти в другой порт.

Российская империя использовала свой опыт, выбрав иной путь решения проблемы, связанный с всеобщей борьбой с «моровой язвой». Облегчить финансовое бремя государственных расходов для этих целей предполагалось за счет налогообложения экспорта и импорта: на «содержание столь полезного и необходимого заведения при всех портовых и пограничных таможах и заставах повелено брать со всех товаров привозных по два, а отвозных по одному проценту, сверх таможенных доходов», вводилась также отдельная плата за дезинфекцию товара, например, «с шелку пряженого и сырцу» - по «8 рублей с каждого пуда». Этот тариф мог меняться, все полученные доходы полагалось направить в банк «для обращения тамо: под названием карантинной суммы, единственно в пользу сего заведения... а когда от оных остатков соберется такой капитал, что одними процентами все сие учреждение содержаться в состоянии, то и вовсе таковой сбор, по усмотрению обстоятельств, отменен быть может».

Особую важность и государственное признание мер дезинфекции подчеркивали предусмотренные в законе награды за труд карантинных чиновников. Устав портовых и пограничных карантинных от 7 июля 1800 г. предусматривал правила строения карантинного дома, называя организацию карантинных «при портах и на сухой границе» одним из «самых благонадежных средств, избавляющих государство от опасности, моровую язву наносимой, которое споспешествует спокойствию и благосостоянию людей вообще». Прописывались необходимые требования, предусмотренные для строительства объекта, представляющего санитарно-эпидемиологическую опасность: «местоположение открытое, возвышенное, лежащее близ моря или реки, по течению воды ниже близ лежащих к оному селений», вдали от болот и «от жилья не меньше версты».

Таким образом, длительно формировавшаяся общественная потребность в организации деятельности карантинной службы стала отправной точкой для включения противоэпидемических мероприятий в ряд важнейших задач внутренней и внешней политики, что обрело правовое закрепление в нормативных источниках, их определяющих и составляющих значительную часть процесса институционализации медицинской деятельности, продолжающегося и в наше время.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗ РИ). - Собр. 1. - Т. V. - № 3006. - СПб., 1830.

Theory of State and Law

2. ПСЗ РИ. Собр. 1. - Т. IV. - № 3234. - СПб., 1830.
3. ПСЗ РИ. Собр. 1. - Т. VI. - № 3485. - СПб., 1830.
4. ПСЗ РИ. Собр. 1. - Т. VI. - № 3937. - СПб., 1830.
5. ПСЗ РИ. Собр. 1. - Т. X. - № 7802. - СПб., 1830.
6. ПСЗ РИ. Собр. 1. - Т. XXII. - № 16050. - СПб., 1830.
7. ПСЗ РИ. Собр. 1. - Т. XXII. - № 16390. - СПб., 1830.
8. ПСЗ РИ. Собр. 1. - Т. XXVIII. - № 21732. - СПб., 1830.
9. ПСЗ РИ. Собр. 1. - Т. XXIV. - № 17743. - СПб., 1830.
10. Российский государственный архив древних актов. - Ф. 344. - Оп. 2. - Кн. 16. - Д. 6.
11. ПСЗ РИ. Собр. 1. - Т. XXVI. - № 19476. - СПб., 1830.

Б.А.Ревнов*

В.М.Чупров**

К ВОПРОСУ ОБ ИСЧИСЛЕНИИ СРОКОВ В КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация. В статье исследуется проблема исчисления сроков по правилам, установленным Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Рассматривается проблема нормативного установления правил исчисления сроков в рабочих либо календарных днях, а также проблема соотношения исчисления сроков в днях и сутках в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: исчисление сроков, день, рабочий день, календарный день, сутки.

TO A QUESTION ABOUT THE CALCULATION OF TIME LIMITS IN THE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ADMINISTRATIVE OFFENCES

Summary. The article examines the issue of calculating deadlines under the rules established by the Russian Code of administrative offences. Considers the problem of the normative rules for calculating deadlines in working or calendar days, as well as the problem of the relation of computing time limits in days and nights in the Code of the Russian Federation administrative offences.

Keywords: calculation of periods of time, day, working day, calendar day, day.

Статья 4.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП) [1] устанавливает, что сроки, предусмотренные данным Кодексом, исчисляются часами, сутками, днями, месяцами, годами. Течение срока, определенного периодом, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено начало срока (часть 1). Срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. Срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующее число последнего месяца, а если этот месяц не имеет соответствующего числа, срок истекает в последние сутки этого месяца. Срок, исчисляемый годами, истекает в соответствующие месяц и число последнего года (часть

* *Ревнов Борис Александрович* - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: akziz07@ya.ru

Ревнов Борис А. - associate Professor of Department of constitutional and Administrative law of Law Institute (Saint-Petersburg), PhD in law. E-mail: akziz07@ya.ru

** *Чупров Владимир Михайлович* - и.о. ректора ФГБОУ ДПО «Новомосковский институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности», к.ю.н. E-mail: chuprov1706@mail.ru

Чупров Владимир М. -, acting rector of FGBOU DPO "Novomoskovsk Institute of improvement of professional skill of executives and experts chemical industry", PhD in law. E-mail: chuprov1706@mail.ru

2). Срок, исчисляемый днями, истекает в последний день установленного срока. Если окончание срока, исчисляемого днями, приходится на нерабочий день, последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день (часть 3). Если заявление, жалоба, другие документы либо денежные средства были сданы в организацию связи, кредитную организацию, заявлены или переданы в орган либо уполномоченному их принять лицу до 24 часов последнего дня срока, срок не считается пропущенным (часть 4).

Указанная статья КоАП в буквальном своем толковании напрямую не устанавливает какого-либо общего правила исчисления срока, определенного днями, по умолчанию только в календарных днях либо только в рабочих, если не указано иное.

Ч. 2 ст. 4.8 КоАП определяет, когда именно истекают сроки, исчисляемыми сутками, месяцами, годами, однако не содержит разъяснений относительно исчисления сроков в днях. Вместе с тем ч. 4 ст. 4.8 КоАП устанавливает, что если заявление, жалоба, другие документы либо денежные средства были сданы в организацию связи, кредитную организацию, заявлены или переданы в орган либо уполномоченному их принять лицу до 24 часов последнего дня срока, срок не считается пропущенным. Таким образом, с учетом системного толкования ч. 1 и 4 ст. 4.8 КоАП за начало календарного дня принимается момент времени, соответствующий 00 часам 00 минутам 00 секундам, за окончание календарного дня принимается момент времени, соответствующий 24 часам 00 минутам 00 секундам, что полностью совпадает с определением термина «календарный день», содержащегося в Федеральном законе от 3 июня 2011 г. № 107-ФЗ «Об исчислении времени» [2]. Таким образом, есть основания предполагать, что в тех случаях, когда в КоАП не содержится прямого указания на исчисление сроков в рабочих днях, исчислять их следует в календарных днях.

Вместе с тем помимо такой единицы измерения, как «день», КоАП содержит ещё одну временную единицу измерения - «сутки». Срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. Таким образом, сроки, исчисляемые днями, также истекают в 24 часа [1, ч. 2, 4 ст. 4.8], следовательно, исчисление сроков в днях и сутках осуществляется одинаково. Однако ч. 1 ст. 4.8 КоАП различает исчисление срока в сутках и днях. В литературе некоторые авторы отмечают [3], что такая разновидность срока, как «дневной срок», представляется неопределенной и в рамках КоАП не раскрывается. Также остается неясным, если последний день срока приходится на нерабочий день, а срок исчисляется в сутках, является ли днем окончания срока ближайший следующий за ним рабочий день либо нет.

Проблема соотношения в КоАП сроков, исчисляемых днями, и сроков, исчисляемых сутками, не нова. Некоторые авторы более 15 лет назад отмечали нецелесообразность одновременного использования двух разных категорий - «дни» и «сутки» [4].

Использование термина «день» в понимании, которое представлено в многочисленных словарях русского языка, также не решает проблемы. Большинство словарей определяют «день» как часть суток, промежутков времени от утра до вечера (от восхода до заката) [5]. Некоторые словари рассматривают понятие «сутки» (женского рода) в качестве синонима термина «день» (мужского рода) [6]. С учетом временных рамок дня, выводимых из ст. 4.8 КоАП, использование данного термина, основываясь на его значении в русском языке, представляется нецелесообразным, так как повлечет еще большую неопределенность.

КоАП содержит всего два прямых указания на исчисление срока именно в календарных днях. В ч. 1.5 ст. 7.30 предусматривается административная ответственность за

размещение в единой информационной системе в сфере закупок извещения об осуществлении закупки или направление приглашения принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) ранее десяти *календарных* дней со дня внесения изменений в план-график в отношении такой закупки. В ст. 9.18 устанавливается административное наказание за нарушение собственниками или иными законными владельцами объектов по производству электрической энергии и (или) объектов электросетевого хозяйства порядка вывода объектов электроэнергетики в ремонт, повлекшее полное и (или) частичное ограничение режима потребления электрической и (или) тепловой энергии потребителями более чем на три *календарных* дня.

В первом случае подобное усиление, вероятно, обусловлено тем, что все остальные сроки, которые исчисляются днями в статье 7.30 КоАП, обозначаются именно рабочими днями.

Во втором случае ст. 9.18 была включена в КоАП Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях обеспечения устойчивого и надежного снабжения электрической и тепловой энергией ее потребителей» [7]. Сам по себе Федеральный закон «Об электроэнергетике» исчисляет сроки преимущественно именно в календарных днях, со специальным упоминанием данного типа дней [8] и не использует термина «рабочие дни» в принципе.

При этом КоАП устанавливает (с учетом «сложных» составов, когда одна часть статьи устанавливает несколько составов административных правонарушений) более десятка [1, ч. 11.1, 1.2, 1.3, 13, 14 ст. 7.30; ч.1, 2 ст. 7.31.1] административных правонарушений, состав которых образуют те или иные действия, либо бездействие, связанное со сроком, исчисляемым в рабочих днях [1, ч.3 ст.5.27.1; ч. 1, 1.1-1.3, 13, 14 ст. 7.30; ч. 1,2 ст.7.31.1; ч.3 ст.18.15]. Также названный Кодекс содержит такие составы правонарушений [1, ч. 6.1-6.3 ст. 15.25; ст. 15.26.4], сроки в которых исчисляются днями, без какой-либо дальнейшей конкретизации, рабочие или календарные дни имеются в виду. КоАП также оперирует термином «день» и определяя размер административного штрафа, устанавливая поденную неустойку [1, ч. 4-5 ст.15.25].

В разделе IV КоАП из более чем ста случаев обозначения сроков, исчисляемых днями, только восемь содержат оговорку об использовании именно рабочих дней. Связано такое уточнение с разъяснениями порядка исчисления срока лишения специального права (ст. 32.7), а также исполнения постановлений о дисквалификации (ст. 32.11), о назначении обязательных работ (ст. 32.13) и об административном запрете на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (ст. 32.14). В отношении остальных сроков, исчисляемых днями, раздела IV КоАП применяется правило ч. 3 ст. 4.8 о переносе окончания срока, исчисляемого днями, если оно приходится на нерабочий день, на первый следующий за ним рабочий день.

Больше всего КоАП содержит упоминаний термина «сутки» в разделе II «Особенная часть» (более 240 случаев) [1], из которых все обозначают длительность возможного наложения административного наказания. В общей части названного Кодекса федеральный законодатель оперирует данным термином только для описания возможной длительности назначения таких административных наказаний, как административный арест [1, ст. 3.9; ч. 3.7 ст. 4.1] и административное приостановление деятельности [1, ст. 3.12], а также непосредственно в статье, посвященной правилам исчисления сроков [1, ст. 4.8].

В действующих нормах КоАП при исчислении сроков совершения одних и тех же процессуальных действий устанавливаются различные временные единицы их измерения. Так, например, согласно ч. 1 ст. 30.3 названного Кодекса жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в течение десяти *суток*, а в ч. 3 ст. 30.3 КоАП закреплено, что подача жалобы на постановление по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.1 - 5.25, 5.45 - 5.52, 5.56, 5.58, 5.69 данного Кодекса, могут быть поданы в *пятидневный* срок.

Для направления копии протокола об административном правонарушении лицу, в отношении которого он составлен, КоАП предусматривает три *дня* [1, ч. 4.1 ст. 28.2], протокол же (постановление прокурора) об административном правонарушении направляется судьбе, в орган, должностному лицу, уполномоченным рассматривать дело об административном правонарушении, в течение трех *суток* [1, ч. 1 ст. 28.8]. Таким образом, названный Кодекс вводит разные способы измерения правового времени для фактически равноценных, с точки зрения трудозатрат, процессуальных действий. Данная проблема и ранее неоднократно обозначалась [9] в научной литературе, однако остается актуальной и по настоящее время.

Совместное использование данных понятий приводит к неоднозначному пониманию, так как из приведенного примера видно, что категория «день» применяется в значении «сутки».

Системное толкование названных выше норм КоАП, а также наличие специальных указаний именно на рабочие дни в тех случаях, когда исчисление срока календарными днями представляется неверным, позволяют с высокой долей вероятности сделать вывод о том, что при исчислении срока в днях КоАП по умолчанию предполагает использование для этих целей календарных дней. Вместе с тем ясной и абсолютно определенной оговорки КоАП на этот счет не содержит.

Справедливости ради отметим, что периодически предпринимаются определенные попытки разрешить указанную проблему. Так, в частности, в декабре 2015 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект [10], согласно которому в ч. 1 ст. 30.3 КоАП термин «сутки» подлежит замене на термин «день», а ч. 3 ст. 4.8 КоАП подлежит изложению в следующей редакции: «Срок, исчисляемый днями, истекает в последний день установленного срока и не включает в себя нерабочие дни». Фактически данный законопроект предлагает считать любое исчисление сроков в днях в рамках КоАП по умолчанию - только в рабочих днях. Данный подход представляет собой один из путей разрешения проблемы однозначного понимания сроков исчисления сроков, однако этот путь отнюдь не лучший, возможно, поэтому он и был отклонен по итогам первого чтения 12 июля 2017 года [11]. Различное отраслевое толкование одних и тех же терминов всегда ведет к излишнему, зачастую ненужному усложнению юридических конструкций и в конечном итоге - к росту числа проступков и правонарушений, совершенных по неосторожности.

В этой связи полагаем уместным упомянуть рассуждения В.В. Путина о необходимости улучшения языка правотворчества, который надо сделать если не благозвучным, то хотя бы понятным для адресатов норм [12].

Таким образом, во избежание неоднозначного толкования нормативных положений людьми, не имеющими юридического образования, намного более верным было бы устранить как минимум странное, различное исчисление сроков днями

и сутками, приведя-таки их к общему знаменателю, и нормативно закрепить, что там, где прямо не указано на исчисление срока в рабочих днях, срок нужно исчислять в календарных днях. Установить, что и в КоАП за начало календарного дня принимается момент времени, соответствующий 00 часам 00 минутам 00 секундам, за окончание календарного дня принимается момент времени, соответствующий 24 часам 00 минутам 00 секундам, а ставшее ненужным исчисление срока в сутках просто упразднить. При этом с целью дополнительной гарантии обеспечения прав граждан необходимо ограничить правило о продлении до следующего рабочего дня сроков, действие которых заканчивается в нерабочий день, а именно: не распространять их на сроки исполнения административных наказаний, мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Продолжительность же рабочего дня также следует определить нормативно и сделать равной продолжительности календарного дня.

С учетом правила о возможности сдать документы либо деньги в организацию связи, кредитную организацию либо заявить или передать их в орган либо уполномоченному лицу до 24 часов последнего дня срока, чтобы этот срок не считался пропущенным [1, ч. 4 ст. 4.8], рабочий день, равный по продолжительности календарному дню, не создаст дополнительных обременений, но вместе с тем снимет какие-либо вопросы относительно его продолжительности.

На основании вышеизложенного для устранения обозначенных проблем представляется логичным и верным внести изменения в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях следующего характера. Во-первых, повсеместно заменить по тексту данного Кодекса термин «сутки» на термин «день», а во-вторых, изложить ст. 4.8 КоАП в следующей редакции: «Сроки, предусмотренные настоящим Кодексом, исчисляются часами, днями, месяцами, годами. Течение срока, определенного периодом, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено начало срока [ч. 1].

За начало дня принимается момент времени, соответствующий 00 часам 00 минутам 00 секундам, за окончание дня принимается момент времени, соответствующий 24 часам 00 минутам 00 секундам.

Срок, исчисляемый днями, истекает в 24 часа последнего дня, срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующее число (день) последнего месяца, а если этот месяц не имеет соответствующего числа, срок истекает в последний день этого месяца.

Срок, исчисляемый годами, истекает в соответствующие месяц и число (день) последнего года [ч. 2]. Если окончание срока, исчисляемого днями, приходится на нерабочий день, последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день.

Если в настоящем Кодексе отдельно не оговорено, что срок исчисляется в рабочих днях, его следует исчислять в календарных днях. Момент начала и окончания рабочего дня соответствует календарному дню [ч. 3].

Если заявление, жалоба, другие документы либо денежные средства были сданы в организацию связи, кредитную организацию, заявлены или переданы в орган либо уполномоченному их принять лицу до 24 часов последнего дня срока, срок не считается пропущенным [ч. 4].

Положения части 3 настоящей статьи не применяются к срокам, в которых исчисляются меры обеспечения производства по делу об административном право-

нарушении и административные наказания [ч. 5]. Положения настоящей статьи не применяются, если другими статьями настоящего Кодекса установлен иной порядок исчисления сроков [Примечание]».

Вместе с тем вопросы о том, как именно единообразно исчислять сроки, которые обозначены как «незамедлительно», «в возможно короткий срок», «в кратчайший срок», «немедленно», а также о целесообразности исчисления сроков в минутах, требуют отдельного изучения и осмысления.

Библиографический список

1. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. См.: п. 10 ст. 2 и ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 03.06.2011 № 107-ФЗ «Об исчислении времени» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 23. Ст. 3247.
3. См., напр.: *Цуканов Н.Н.* О сроках в производстве по делам об административных правонарушениях и порядке их исчисления в органах внутренних дел // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2009. № 1. С. 230; *Косарева Н.В.* К вопросу об исчислении сроков в производстве по делам об административных правонарушениях // Юрист. 2012. № 8. С. 30-35.
4. См.: *Хохлова Т.Н.* Производство по делам об административных правонарушениях в федеральных органах налоговой полиции: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2002. С. 131-132.
5. См., напр.: Толковый словарь Даля, Толковый словарь Ушакова, Толковый словарь Ожегова и др. // <http://slovardalja.net/>.
6. См.: Толковый словарь Даля // <http://slovardalja.net/>.
7. См.: Федеральный закон от 26.07.2010 № 189-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях обеспечения устойчивого и надежного снабжения электрической и тепловой энергией ее потребителей» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4158.
8. См., напр., ст. 23.1, 26 и 37 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
9. См., напр.: *Рабинович П.М.* Время в правовом регулировании: философско-юридические аспекты // Известия вузов. Правоведение. - Львов. 1990. № 3. С. 19-27; *Тенилова Т.Л.* Время в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Н.Н., 1999; *Румянцева В.Г., Ахмедов Ч.Н.* Пространство и время как факторы действия права // История государства и права. 2006. № 12; *Волк И.В.* Право, время и пространство: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2004; *Дружкова Е.В.* О состоянии и перспективах правового регулирования процессуальных сроков в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2014. № 7. С. 74-77 и др.
10. См.: Проект Федерального закона N 956776-6 «О внесении изменений в статью 107 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» / [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=956776-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=956776-6).

Теория государства и права

11. См.: Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=956776-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=956776-6).

12. См.: *Путин В.В.* Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февраля.

А.А.Романов*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аннотация: Проблема политизированной этничности причисляется к наиболее трудноразрешимым. Несмотря на большое количество исследований, ощущается нехватка системных научных изысканий в данной области. Многочисленные публикации последних лет свидетельствуют о масштабах терминологической экспансии политизации этничности, однако нет единства мнения в научной дефиниции этого феномена, что свидетельствует об актуальности заявленной темы. Статья представляет собой когнитивный анализ политизации этничности с позиции исследовательских парадигм этничности. Рассматривается взаимодействие константных компонентов этничности и полиструктурных переменных факторов (импульсов) среды жизнедеятельности в структуре политизации этничности. Как форма идеологии и политико-правовой практики политизированная этничность представлена в функциональной реструктуризации институционального статуса этнонации, ее правовом самоопределении и ориентирована на достижение, изменение, закрепление и легитимацию правового статуса этнонации в этносоциальной и политико-правовой структуре полиэтничного общества. В процессе политизации этничности автор выделяет кризис этничности как главную движущую силу и целенаправленную «мобилизацию» этнонации с широким применением этнополитической мифологии, удовлетворяющей все слои населения, эффективным использованием и интенсификацией идеологизированных ориентиров и метафор, системы традиционных ценностей, символов.

Ключевые слова: этнонация, этничность, этническая общность, правовая этнология, политизация этничности, политизированная этничность, кризис этничности.

ETHNICITY POLITICIZATION RESEARCH: METHODOLOGICAL DISCOURSE

Summary. The problem of the politicized ethnicity is ranked as the most intractable, and despite a significant number of researches, there is a gap in this field. Numerous publications of the last years confirm scales of terminological expansion of politicization of ethnicity; however there is no unity opinion in a scien-

* **Романов Александр Александрович** - кандидат политических наук, доцент, докторант кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева Юридического факультета им. М.М. Сперанского РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия. Электронный адрес: alexsandr_romanov@yahoo.com.

Romanov Alexander Aleksandrovich - Candidate of Political Sciences, associate professor doctoral candidate of the chair of Theory of State and Law named after G.V. Maltsev of the Department of Law named after M.M. Speranskiy of RANESS under the President of the RF, Moscow, Russia. E-mail: alexsandr_romanov@yahoo.com.

tific definition of this phenomenon that testifies to the relevance of the declared subject. The article reveals cognitive analysis of politicization of ethnicity in terms of research paradigms of ethnicity. Interactions of constant components of ethnicity and poly structural variable factors (impulses) of the environment activity in the structure of politicization ethnicity are considered. As the form of ideology, political and legal practice, the politicized ethnicity is provided in the functional restructuring of the institutional status of the ethnonation, its legal self-determination and focused on achievement, change, fixing and legitimation of legal status of the ethnonation in ethnosocial and political and legal structure of multiethnic society. In the course of ethnicity of politicization the author allocates ethnicity crisis as the main driving force and purposeful "mobilization" of the ethnonation, with broad application of the ethnopolitical mythology satisfying all segments of the population, effective use and intensive designing of the dialogized reference points and metaphors, systems of traditional values, symbols.

Keywords: *the ethnonation, ethnicity, ethnic community, legal ethnology, ethnicity politicization, the politicized ethnicity, ethnicity crisis.*

Сами по себе этнические правовые процессы, процессы этнофрагментации не являются законодательным изоляционизмом и не вызывают правовой трибализм (трибализм) (английское «tribalism» от латинского «tribus» - племя), приверженность к культурно-бытовой, культовой и общественно-политической племенной обособленности). Наблюдаемый во многих странах сепаратизм, деструктивная тенденция девиации порождены такой феноменальной установкой современности, как этнизация правовой политики и политизация этничности.

В современной России, впрочем, как и в других полиэтнических государствах, проблемы политизированной этничности и этнизированной правовой политики причисляются к наиболее трудноразрешимым. Следует констатировать, что, несмотря на большое количество научных изысканий, системных научных исследований в данной области явно недостаточно.

Многочисленные публикации последних лет свидетельствуют о масштабах терминологической экспансии неологизма - «политизации этничности». Если обратиться к попыткам научной дефиниции этого феномена, то здесь не найдется четкого единства мнений, которые при всем своем многообразии в зависимости от концептуальной ориентации сконцентрированы вокруг хрестоматийно разомкнутых примордиализмом, инструментализмом и конструктивизмом. Политико-правовая активизация этничности в условиях развернувшихся планетарных процессов глобализации, выразившихся в усилении интегративных тенденций и становлении целостного политико-правового пространства, большинством социальных ученых была воспринята как феноменальная апория.

В исследованиях политизации этничности отправной точкой стала идея В. Воллерстайна о тотальном присутствии в латентной форме этнического самосознания, и, как доказывает автор, политизация этничности реализуется только в тех случаях, когда этническая общность осязает либо угрозу потерь ранее приобретенных политико-правовых привилегий, либо данное историческое время считает удобным для приобретения политических и правовых привилегий [1, p. 184]. Иными словами, если этничность непрерывно и повсеместно присутствует в латентной

форме, тем самым предполагается, что ее активизация фактически должна опираться на некую изначально данную примордиалистскую инфраструктуру, из которой могут быть извлечены ситуативные параметры: необходимые символы, этнические эмоции, правила поведения, нормы и политическая практика [2, с. 40-41].

В работе «Этнополитика» Дж. Ротшильд в изучении этнической общности как главного актора, преследующего определенные политические цели, устанавливает субъекты этнополитики. Исходя из необходимости совершенствования ранее принятого терминологического аппарата, недостаточно полно учитывающего всю сложность и многообразие этнополитических ситуаций, автор выявил «политизированную этничность» как основной «персонаж», действующий политический субъект, угрожающий существующим общественным институтам и государству в целом [3, р. 7]. Под этим понятием подразумевается такой уровень мобилизации этничности, когда она превращается из чисто этнического в субъект политико-правовой [3, р. 1-2]. Таковой она становится, когда этнофор осознает значимость права в практических целях и обусловленная с этим озабоченность (кризис этничности) интегрирует их в самоосознанную этнонацию, разворачивающую политическую правовую деятельность на основе групповой мобилизации [3, р. 6].

С точки зрения императива «чистоты метода», только примордиалистская парадигма как исследовательский подход может рассматриваться с позиции онтологии феномена этничности, эпистемологии и методологии анализа ее политизированных форм. В рамках инструменталистского и отчасти социально-конструкционистского подхода идентификация этничности в качестве средств политизации означает всего лишь институционализацию этнонации как активного самоконструируемого правового субъекта внутривнутриполитического процесса. Непосредственный поиск адекватного объяснения механизмов политизации этничности с неизбежностью повлечет за собой интенсивные поиски не только концепций, способных дать приемлемое понимание факторов и механизмов политизации этничности, но и более широкого когнитивного подхода. Таковым для эпистемологического «альянса» с примордиализмом стал инструментализм, и названный неопримордиализмом, оппонентами примордиалистской ориентации был воспринят как «более коварный, чем неподдельный примордиализм» [2, с. 40].

Большинство же исследователей (Дробижева Л., Солдатов Г., Тоидис В. и др.) скорее склонны рассматривать политизированную этничность в рамках новой неопримордиалистской ориентации, чем в плоскости конструкционизма. Нам представляется, что адекватное понимание политизации этничности окажется весьма проблематичным без необходимых усилий по интеграции всех исследовательских подходов. В качестве исследовательской парадигмы анализа феномена построения концепции политизированной формы этничности мы принимаем подход, основанный на позициях умеренного примордиализма, в сочетании с конструктивистским представлением ситуативно-обусловленности инвариантных компонентов этничности и инструменталистской интерпретацией ее мобилизации и актуализации. Перспективной теоретической позицией исследования политизированной этничности как политико-правового феномена и явления может представляться научная традиция неопримордиализма, с сочетанием научных взглядов, сложившихся под влиянием учения Дж. Ротшильда.

Российский ученый В.Р. Чагилов доказывает, что в политизации этничности взаимодействуют константные компоненты этничности, с одной стороны, и поли-

структурные переменные факторы (импульсы) среды жизнедеятельности - с другой, притом данный механизм образует временный по своему характеру феномен «политизированной этничности» [4, с. 95]. Поскольку переменные являются продуктом исторических конструкционистских проектов и инструменталистских манипуляций, постольку политизированная форма этничности в значительной степени зависит от параметров влияния субъективного фактора (правовых, интеллектуальных, морально-психологических, ситуационных, финансовых, демографических, а также - прежде всего - от лидеров и элиты этнонации, субъективизма реакций других акторов общесоциетальной системы). В результате возникает система связей-отношений, порождающих новое свойство этничности, которое проявляется на высоком уровне внутригруппового единства, в особенностях мотивационных состояний, правовом поведении, морально-психологической готовности к активным, сопряженным с возможными жертвами, действиям.

У сторонников «этницистской позиции» политизация этничности стала предметом изысканий в качестве центральной категории микроуровневого анализа в том ракурсе, где мог быть возможен ответ на вопросы, каковы факторы политизации этничности, динамика и статика политизированной этничности? В междисциплинарной плоскости исследуются внутренние и внешние факторы, источники, специфические особенности и механизмы политизации этничности. На макроуровне анализа аналитические задачи сводятся к определению тех политических и правовых факторов, которые могли бы привести в действие процессы политизации этничности.

Структурно политизированную этничность можно представить как совокупность вертикально-горизонтальных политических и правовых связей и отношений, способов взаимодействия, как самой структуры этничности, так и общества в целом в процессе «превращения этничности из психологического, культурного или социального фактора в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [3, с. 2]. Отметим, что под сложносистемной структурой общества мы понимаем многоуровневое взаимодействие константных и переменных свойств и характеристик этнонации и государства. Это прежде всего структура межэтнических отношений на макроуровне полиэтничного государства. Такая структура отражает общую картину правового и политического взаимодействия этнонации в пределах всей социетальной среды. На мезоуровне этнонациональная структура описывает региональные особенности (исторические, социально-статусные, этноправовые, политические, социокультурные и т.д.) характера и способов взаимодействия этнонации с другими акторами (этнические группы) политического и правового процесса.

Константные компоненты этничности в той или иной степени испытывают прямое или косвенное воздействие факторов общепланетарного уровня: глобализации и фрагментации, существенный политический аспект которых, как показывает практика, оказывает определяющее влияние на характер процессов политизации этничности. Действительны по своей природе, сочетающей элементы глобализации и этнофрагментации, сами предпосылки политизации этничности. Дж. Ротшильд считает, что существует определенная взаимосвязь между политизацией этничности и процессами глобализации, то есть бурного промышленного и экономического развития, сопровождаемого интенсивной урбанизацией населения.

Известный американский ученый Питер Ратленд заметил, что в условиях глобализации этничность оживляется и на политическом уровне сопровождает гло-

бальные тенденции [5]. Политизация этничности происходит в тот момент, когда в контур этничности проникает универсальная культура и модерн, однако этническая общность политизируется на основе не универсальной, а этнической культуры (этничности).

К константным компонентам относят систему ценностных элементов этничности, которая структурно состоит из базовых и ситуативных. К переменным факторам среды относятся макроструктурные социальные, политические, правовые изменения, особенности структуры этнонации, деятельность государства.

Способная вызвать процессы политизации этничности совокупность переменных факторов среды, с импульсами которой вступают во взаимодействие константные компоненты этничности, образуют целостный механизм политизации этничности. По своему характеру феномен политизированной этничности представляет собой сложносистемное качество, появляющееся в процессе многоуровневого, многофакторного и полисубъектного взаимодействия константных компонентов системы этничности и структурных переменных факторов среды ее жизнедеятельности. Здесь речь идет прежде всего о макроструктурных изменениях социетальной системы - об общественных изменениях, вызванных осуществлением различных политических и правовых проектов.

В методологическом плане рассматриваемый механизм политизации этничности предполагает необходимость многоуровневого (глобального, макро-мезомикроуровневого) научного анализа факторов и условий, обуславливающих кризис этничности. Данная структура анализа применима и к (возможной, не всегда обязательной) политической мобилизации этничности.

Как форма идеологии и политико-правовой практики политизированная этничность функциональна реструктуризации институционального статуса этнонации, ее правовому самоопределению и ориентирована на достижение, изменение, закрепление и легитимацию правового статуса этнонации в этносоциальной и политико-правовой структуре полиэтнического общества. На практике может приобретать выжидающий характер, но в любом случае в полиэтничном государстве ведет к дистанцированию от доминирующей правовой культуры, выдвигая на первый план этническую правовую традицию и культуру. Следовательно, политическая мобилизация этнонации на основе разделяемого общего этнического по определению должна привести к такому состоянию этничности, которое сможет обеспечить необходимую степень внутригруппового единения для успешной реализации целей политического участия.

В этой связи итоговое состояние политизации этничности достигается путем сложных многоуровневых, многофакторных и полисубъектных взаимодействий и процессов, которые обеспечивают этнонации, выступающей в качестве политического и правового субъекта, наивысший уровень внутригруппового единства и мобилизационной активности. Политизация этничности понимается как продукт структурной перестройки этничности, ее особое состояние, характеризующееся повышенной сосредоточенностью членов этнонации на ценностях, ориентированных на достижение правовых, политически значимых экономических, статусно-институциональных и социокультурных перемен в полиэтничном обществе [4, с. 95].

В процессе политизации этничность становится основной формой социальной самореализации и достигается целенаправленной «мобилизацией» этнонации. Под мобилизацией в данном исследовании понимается целенаправленный процесс уси-

ления групповой сплоченности на основе преобладания этничности над иными формами социальной солидарности, что обеспечивает группе целостность, согласованность действий. Важным моментом является само восприятие этнофором ситуации как требующей внутриэтнической мобилизации. Политизация этничности реализуется через практическое осознание мобилизованной группой правовых, социально-моральных этнических норм поведения и определенных форм межэтнических отношений.

Социальная активность мобилизированной этничности предполагает определенную организацию в ходе и результате ее институционализации. Институционализация этничности представляет собой процесс налаживания совокупности формальных и неформальных правил, установок, принципов, правовых норм, регулирующих жизнедеятельность людей в обществе, которые способны стимулировать и обеспечить их служение этнонациональной идее, включение в коллективную борьбу этнических ценностей.

Создание специальных структур и организаций с формальными правилами и процедурами, способных побуждать или обязывать людей к определенному правовому поведению, варьируется от полуполюгального собрания этнических интеллектуалов до этнократии, от этнокультурного учреждения типа кружка художественной самодеятельности до правительства спасения этнонации. Независимо от того, имеют правовую форму данные организационные структуры или нет, специально ли созданы, перепрофилированы или образовались стихийно, важно то, что они воплощают этничность в органах государственной власти и управления, в системе гражданского общества, субъектах хозяйственно-экономической деятельности.

Организационное начало мобилизации выражается в разработке и имплантации в правовую и организаторскую практику «норм, правил, традиций, в известной мере даже ритуалов, которые побуждают или обязывают акторов действовать таким образом, чтобы в максимально возможной степени способствовать развитию и безопасности собственного народа» [6, с. 205].

В основе мобилизации лежит импульс природы этнонации - инстинкт самосохранения и выживания, направленный в русло правовой институционализации и исторического самоутверждения. Мобилизация, апеллируя к этнической солидарности, побуждает пренебрегать существующими противоречиями между людьми, многие из которых разделяют этнонационалистические идеи. Как процесс она аргументирована феноменальным могуществом этничности, этнической солидарности и начинается с механического «собрания» носителей этнического, тех, кто еще не утратил свою этничность и находит свое этническое продолжение в выдвигании круга определенных этнических идей, лозунгов, целей и т.п. для совместных действий в формировании организационных форм объединения представителей этнонации, создания средств коммуникации, агитации и пропаганды.

На завершающем этапе этнонация выводится на следующие политико-правовые отношения:

а) *легитимные*: уставная деятельность этнических общественных организаций и движений; праздники, собрания, выставки, творческие встречи, мероприятия с вовлечением представителей этнонации; территориальные органы самоуправления (например, религиозные приходы и сельские сходы); этнонациональные СМИ;

б) *латентные*: этнизация профессиональной деятельности (принцип анонимно-индивидуальной связи заменяется клиенталистскими связями, которые основа-

ны на знакомстве, личной взаимозависимости и взаимной лояльности на основе этничности); институт эмиссарства, регулярные визиты на официальном и неофициальном уровнях религиозных и культурных деятелей, представителей этнической интеллигенции, в том числе и из других стран.

Высочайшая степень групповой мобилизации обеспечивается с широким применением этнополитической мифологии, удовлетворяющей все слои населения, путем эффективного использования и интенсивным конструированием идеологизированных ориентиров и метафор, системы традиционных ценностей, символов, которые являются коллективными представлениями, имеющими индивидуализированный смысл [7, с. 11], как полагает Л. Дробижева. Умелое манипулирование этнополитической мифологией способно быстро снабжать человека суррогатом мировоззрения и коллективной идентичностью, предоставлять свободу самовыражения по заданному направлению, одновременно контролировать людей, удерживать их под властью идеологических фантомов [8, с. 13].

В режиме согласования ценностей и символов актуализированные компоненты, являющиеся продуктами политического дискурса и идеологической риторики, пристраиваются над базовыми как органическое продолжение. Такой сплав может обеспечивать необходимый уровень мобилизации и возможность дальнейшей политизации. Л.М. Дробижева считает, что мобилизуемыми являются те ценности, которые имеют: необходимое базовое основание; историчность, хранящуюся в исторической памяти; компенсирующий потенциал, - т.е. восполняющие недостаток в социальном и политическом сознании [7, с. 11-15]. На наш взгляд, при всей своей очевидной ценности такая аксиологическая нагрузка затрудняет понимание наблюдаемого в условиях системной трансформации кризиса этничности, когда политическая и организационная эффективность центральной власти полиэтничного государства ослабела, а принудительные механизмы, поддерживавшие режим законности, оказались вне сферы правовой регламентации.

Очевидно, что этнополитический миф основан вовсе не на позитивном и объективистском знании, а является результатом в эпистемологическом плане интерпретирования и реконструкции.

В рамках иной социальной общности этнополитические мифы не соизмеримы, а такой уровень мобилизации, качественных характеристик объединения в монолитную группу практически недостижим. В апогее они отрицают иную форму ассоциации, признается единственная социальная лояльность - этничность. Этнополитическая мифология при всей условности данного понятия как бы легитимирует, обосновывает притязания этнонации «на те или иные институты суверенитета, на изменение политических границ и политического статуса территории» [9, с. 117]. В то же время этнополитическая мифология в отрыве политизации этничности неспособна осознавать свою субъективность, дифференцировать институализацию этнических правовых норм и создание этнонационального государства [10, с. 28].

В процессе политизации этничности главной движущей силой является кризис этничности, который отсутствует в «стационарных» условиях и без которого невозможна успешная групповая мобилизация и консолидация на базе разделяемой этничности. В период социальных трансформаций, глобализации и этнофрагментации, как в точке пересечения, сталкиваются разнонаправленные векторы этнополитических и правовых процессов, итоговым результатом которых становится потеря внутреннего равновесия как этнонации, так и полиэтничного общества

в целом, с характерной реструктуризацией межэтнических отношений, изменение образа жизни.

В процессе политизации этничности можно выделить следующие основные фазы:

1. Этнодифференциация. Как правило, этническое сознание групп и индивида не актуализировано при условиях стабильных этнических отношений или в моноэтнической среде. На этой фазе происходит осознанная дифференциация от других этнических образований по мифологизированному принципу «мы - чужие».

2. Авто - и гетеростереотипизация. Интенсивное вторжение в массовое сознание вербальных и невербальных стереотипов об этнической модальности.

3. Идеологизация. Эта фаза является своего рода синтезом двух предыдущих и включает в себя целенаправленное идеологическое воздействие элитарных групп с целью формирования и распространения господствующих в обществе ценностных ориентаций, идеалов, притом вечная оппозиция должного и сущего неминуемо разрешается в пользу долженствования.

В условиях неравномерности «модернизации» современных (модернизированных) и переходных (модернизирующихся) обществ оказавшаяся в дискриминационном положении этнонация остро ощущает притеснение и недостаточное удовлетворение своих потребностей из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным ресурсам: правовым, политическим, культурным, образовательным и пр., и принимаемые государством и его органами решения все больше начинают восприниматься через призму оценки их влияния на статус, положение и перспективы развития. Попранная духовная quintэссенция потребностей и интересов индивидов приводит к глубокой утрате легитимности и доверия между политическими субъектами и участниками. Притом консолидация этнонации и политизация этничности прямо пропорциональны кризису социально-культурного бытия и на его основе - кризисному состоянию этничности.

В условиях кризиса этничности репрезентация иноэтничности деформирует не только социальный габитус ближайшего или референтного окружения, но и искажает публичное правовое пространство. Общество, даже и способное к правовой самоорганизации, из-за возникших дезинтеграции и препятствий не создает для этого благоприятных ассоциаций и вынуждает людей искать пути самореализации и правовой адаптации в рамках собственной этничности. Кризис этничности, его актуализация почти неизбежны в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен, связан с трудностями социокультурного самоопределения этнонации и прямо пропорционален ослаблению защитных сил полиэтничного государства.

В ситуации нестабильности и неопределенности это состояние воображаемой или реальной угрозы, беспокойства за возможную маргинализацию и утрату этничности. Кризис этничности способствует проявлению этнополитической, экономической напряженности внутри общества, но не предполагает безусловное регрессированное материальное положение населения. По образному выражению Е.И. Степанова, аномалии в социальных порядках, к которым можно отнести и кризис этничности, обычно развиваются при относительном улучшении социально-экономической ситуации, когда ожидания опережают реальность [11, с. 205-206]. Как показывают многочисленные эмпирические исследования, пробуждение этничности, усиление интереса к своим историческим корням наблюдается как у больших, вполне преуспевающих этнических общностей, так и малочисленных этнических групп, о существовании которых мало кто знает.

Доминирующая в большей части этнонации иррациональная мотивация призывает весь арсенал зависимости, соперничества, стыда, вины, тревоги и страха, оставленных в каждом индивиде простым фактом его детства [12, с. 35; 13, с. 35]. На социально-психологическом уровне он связывается с угрозой потери целостности и самоидентичности этнонации. Первоначально происходит ослабление этнодифференцирующей функции этнических границ, снижается уровень аффилиативных чувств, сопровождающих ощущение этнической принадлежности, наблюдается дезориентация людей в социальном пространстве, повышается уровень неадекватности способов внутреннего взаимодействия в социокультурном пространстве и снижение статусно-институционального положения этнонации.

Таким образом, можно утверждать, что политизированная этничность находится в зависимости от социетальной среды, особенностей функционирования механизма трансформации кризисной этничности и может объясниться следующими характерными свойствами:

1) *Атрибутивность*. Этничность как атрибут личности присуща каждому, в силу чего политизированная этничность предопределяет матрицу норм правового поведения и правосознания.

2) *Устойчивость*. Этничность не есть произвольный выбор индивида, соответственно, политизированная этничность - весьма устойчивое свойство и мировоззренческое начало, обеспечивающее перманентное состояние внутригрупповой консолидации.

3) *Массивность*. Политизированная этничность коммулирует мощный, глубоко эмоциональный этнический заряд, неповторимую способность к принуждению всех носителей этничности.

Библиографический список

1. Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. - 305 p.
2. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. - М., 1994. - С. 35-70.
3. Rothschild J. Ethnopolities: A conceptual framework. - NY.: Columbia University Press, 1981. - 290 p.
4. Чагилов В.Р. Феномен политизированной этничности и конфликт в контексте процессов глобализации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. - М.-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. - 468 с.
5. Ратленд П. Глобализация и посткоммунизм // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - № 4. - С. 15-18.
6. Бельков О.А. Национальное и национализм // Безопасность Евразии. - 2005. - № 4(22). - С. 151-213.
7. Дробижеева Л.М. Этнический фактор в жизни российского общества к середине 90-х годов // Конфликтная этничность и этнические конфликты: сб. статей / отв. ред. Дробижеева Л.М. - М.: ИЭА РАН, 1994. - С. 4-15.
8. Этничность, толерантность и СМИ / отв. ред. И.В. Следзевский. - М.: Центр цивилизац. И регионал. исслед. Ин-та Африки РАН, 2006. - 221 с.

9. Савва Е.В. Информационные механизмы политизации этничности: на примере Северного Кавказа) / Человек. Сообщество. Управление. - 2012. - № 1. - С. 115-121.
10. Азина О.А. Мифодизайн как средство формирования имиджа современной России в европейском общественном мнении: дис. ... канд. соц. наук. - М., 2014. - С. 28.
11. Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы / Центр конфликтологии Института социологии РАН. - М., 1996. - 288 с.
12. Эриксон Э. Детство и общество. Изд. 2-е перераб. и доп. - СПб, 1996. С. 572 - 573; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. - М., 1998. - С. 35.
13. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. - М., 1998. - 389 с.

В.М.Чупров*

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАДРОВОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

***Аннотация.** В статье излагаются основные направления оптимизации кадровой политики в системе органов внутренних дел. По мнению автора, основная цель кадровой политики, реализуемой в органах внутренних дел, - это обеспечение органов внутренних дел кадрами, обладающими необходимыми профессиональными и моральными качествами.*

***Ключевые слова:** государственное управление, специальные принципы кадровой политики, обучение, воспитание, кадровый резерв.*

ON IMPROVING THE EFFICIENCY OF PERSONNEL WORK IN THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

***Summary.** The article outlines the main directions of optimization of the personnel policy in the system of internal affairs bodies. In the author's opinion, the main goal of the personnel policy implemented in the internal affairs bodies is the provision of internal affairs bodies with personnel possessing the necessary professional and moral qualities.*

***Keywords:** public administration, special principles of personnel policy, training, upbringing, personnel reserve.*

В современных условиях наблюдается тенденция к трансформации взглядов на идеологию и политику государственного управления в сфере кадровой политики. Кадры рассматриваются как важнейший стратегический ресурс, рациональное использование которого позволяет обеспечить достижение важнейших целей и решение задач в области социально-экономических преобразований. Этот вывод содержится в ряде работ С.Ф. Зыбина, А.В. Горожанина, И.В. Горлинского, В.Я. Кикотя, В.М. Курицына, Х.Х. Лойта, Р.С. Мулукаева, А.Я. Малыгина, А.Н. Роша, Ю.А. Розенбаума, А.Ф. Ноздрачева, А.Г. Пермякова, П.П. Сергуна, А.Е. Спицына, Д.А. Ерина, С.С. Козлова, Р.В. Нагорных, СИ. Ушакова, А.В. Фатула и других, рассматривающих теоретические основы правового регулирования организации работы с кадрами [1].

Их нынешнее состояние и взгляды на перспективы развития определяют кадровую политику, которая, будучи сложным институциональным явлением, служит своего рода инструментом государственного управления, включающим в себя механизмы правового, организационного, социально-психологического и экономического характера.

Говоря о кадровой политике МВД России, необходимо отметить, что она представляет собой систему целей, задач, принципов, форм и методов административно-

* *Чупров Владимир Михайлович* - и.о. ректора ФГБОУ ДПО «Новомосковский институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности», к.ю.н. E-mail: chuprov1706@mail.ru

Chuprov Vladimir - acting rector of FGBOU DPO "Novomoskovsk Institute of improvement of professional skill of executives and experts chemical industry", candidate of law.

правового регулирования по выработке целей и задач, направленных на сохранение, укрепление и развитие своего кадрового потенциала, на создание ответственного и высокопроизводительного и сплоченного коллектива, способного своевременно реагировать на постоянно меняющиеся требования общества. По мнению автора, основная цель кадровой политики, реализуемой в органах внутренних дел, - это обеспечение органов внутренних дел кадрами, обладающими необходимыми профессиональными и моральными качествами. В этой связи кадровая политика должна быть взаимосвязана с управленческой, финансовой и производственной политикой, осуществляемой в государстве и в системе МВД России.

В условиях проводимых реформ Министерством внутренних дел Российской Федерации были определены основные параметры работы с кадрами, отвечающие требованиям сегодняшнего дня и реализующие на практике основные положения Федерального закона от 07.02.2011 года № 3-ФЗ «О полиции» в концепции кадровой политики. Их значимость объясняется тем, что от уровня профессионализма и компетентности сотрудников органов внутренних дел, их профессиональной мотивации, готовности и способности стоять на страже закона в решающей степени зависят укрепление государственности, правопорядка, общественной безопасности и усиление борьбы с преступностью. В связи с этим можно сделать вывод, что основу кадровой политики в органах внутренних дел составляют общие принципы построения правового демократического государства, закрепленные международными правовыми актами, Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством. Получая свое развитие в организационных принципах, они определяют генеральную линию всей кадровой работы и пути ее дальнейшего совершенствования.

К специальным принципам кадровой политики, реализуемой в органах внутренних дел, следует отнести: системность и комплексность решения кадровых проблем в органах внутренних дел; сочетание доверия и уважения к кадрам с принципиальной требовательностью к ним; преемственность и обновление кадров, оптимальное сочетание опытных и молодых сотрудников; сочетание принципов единоначалия и учета мнения коллектива при решении кадровых вопросов; правовая и социальная защита персонала, обеспечивающая законность и социальную справедливость в решении кадровых вопросов.

Основными направлениями совершенствования реализации кадровой политики в органах внутренних дел являются: модернизация системы кадрового обеспечения, ориентация ее на воспитание кадров новой формации, повышение их правового и социального статуса, а также общего престижа служебной деятельности; разработка эффективной системы управления кадровыми преобразованиями в системе МВД России, совершенствование самого кадрового дела применительно к новым социально-экономическим условиям ее функционирования; приведение фактического статуса сотрудников органов внутренних дел в соответствие с общим статусом государственных служащих; законодательное закрепление системы социальных гарантий службы в органах внутренних дел.

Содержание управления кадровыми процессами включает в себя: совершенствование управления кадровой работой; повышение эффективности использования кадрового потенциала органов внутренних дел; комплектование органов внутренних дел квалифицированным и компетентным персоналом; развитие современной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров; рефор-

мирование системы, касающейся духовно- нравственных основ службы в органах внутренних дел; развитие психологической службы в органах внутренних дел.

Реализации указанных основных направлений кадровой политики в органах внутренних дел должно способствовать четкое правовое регулирование всех аспектов служебной деятельности. Задачей правового обеспечения службы в органах внутренних дел в современных условиях становится окончательное определение административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел, приведение его в соответствие с основными международными требованиями.

В этой связи представляется необходимым совершенствование и систематизация федерального законодательства о государственной службе в органах внутренних дел. Внедрение международных требований и стандартов должно найти свое отражение и в совершенствовании механизмов внутриорганизационной деятельности по кадровому обеспечению органов внутренних дел. Применение системного подхода в этой области детерминирует потребность рационального построения субъектов управления, определения и нормативного закрепления их полномочий, функций, применяемых форм и методов отбора, расстановки, закрепления и использования кадров.

Работа с людьми ориентирована на решение проблем, связанных с всесторонним удовлетворением потребностей органов внутренних дел в формировании духовно-нравственных и профессиональных качеств сотрудников. Это обуславливает установление требований в решении вопросов систематизации и обоснования основных путей административно-правового регулирования деятельности по обучению и воспитанию кадров органов внутренних дел, повышению роли руководителей всех уровней в организации этой работы.

Деятельность, связанная с совершенствованием обучения и воспитания сотрудников органов внутренних дел, должна опираться на богатый зарубежный опыт работы с кадрами правоохранительных органов. Его внедрение должно осуществляться посредством установления постоянных связей с зарубежными коллегами и их организациями, обмена достижениями в области организации кадровой работы, выявления общих тенденций в развитии зарубежных правоохранительных органов и проведения научных исследований по их изучению.

Важным направлением в реализации кадровой политики в органах внутренних дел является формирование кадрового резерва. В органах внутренних дел он представляет собой специально отобранную группу сотрудников, органически сочетающих высокую компетентность, инициативность и творческий подход к исполнению служебных обязанностей и способных при дополнительной подготовке достичь соответствия квалификационным требованиям, предъявляемым к вышестоящим должностям, на которые они включены в резерв. Процесс формирования резерва кадров должен осуществляться с учетом перспектив развития органов внутренних дел. При этом необходимо учитывать результаты служебной деятельности, уровень профессионального образования, стаж работы, возраст, состояние здоровья, общественное мнение о сотруднике, личное желание сотрудника в сфере планирования своей карьеры.

Формирование резерва кадров создает определенную среду, стабилизирует управление, позволяет планомерно управлять структурой управленческого аппарата, обеспечивать его пополнение молодыми и образованными сотрудниками, что, в свою очередь позволяет укреплять и стабилизировать всю систему МВД России.

Для более эффективной реализации кадровой политики в органах внутренних дел необходимо осуществлять кадровое планирование. Кадровое планирование - это

целенаправленная деятельность, имеющая задачу предоставления рабочих мест в необходимое время и в необходимом количестве в соответствии со способностями и склонностями сотрудников и требованиями органа и учреждения системы МВД России. Кадровое планирование должно создавать условия для мотивации более высокой производительности труда и удовлетворенности работой. Кадровое планирование в органах внутренних дел должно включать кадровые стратегии; кадровые цели; кадровые задачи и кадровые мероприятия для реализации конкретных целей и задач кадровой политики.

Намеченные пути повышения эффективности кадровой работы в органах внутренних дел способны оказать существенную помощь в совершенствовании практической работы по реализации целей и задач кадровой политики в органах внутренних дел. Использование кадрового потенциала, внедрение в практику новых достижений и технологий кадровой работы должно способствовать преодолению потенциальных кризисных явлений, прежде всего коррупции, в органах и учреждениях МВД России [2].

Библиографический список

1. Горожанин А.В. Взаимосвязь учения о полиции и государстве в истории правовой мысли. - СПб., 1999. - 280 с.; Зыбин С.Ф., Стремоухов А.В. Научные основы организационно-правовой работы с кадрами органов внутренних дел. - СПб., 1994. - 95 с.; Зыбин С.Ф. Аппараты по работе с личным составом в органах внутренних дел: историко-правовой аспект. - СПб., 1996. - 217 с.; Зыбин С.Ф. Правовые основы кадрового обеспечения деятельности органов внутренних дел: монография. - СПб., 1997. С. 177; Кикоть В.Я. Профессиональное образование в механизме реализации кадровой политики МВД России: опыт системного исследования: монография. - М., 2002; Кикоть В.Я. Информационно-правовая система подготовки кадров органов внутренних дел: генезис и перспективы: монография. - М., 2002; Кикоть В.Я. Информационно-правовое и организационное обеспечение функционирования вуза системы МВД России. - М., 2001; Лойт Х.Х. Наставничество как форма подготовки кадров: опыт полиции зарубежных государств // Использование международного опыта подготовки кадров для правоохранительных органов: сборник научных докладов. - Владимир, 1996; Лойт Х.Х., Луцкин В.В., Суслин Э.В. Прекращение службы в органах внутренних дел и пенсионное обеспечение. - СПб.: СПб ЮИ МВД России, 1998; Лойт Х.Х. Кадровая политика и ее реализация в органах внутренних дел в современных условиях. - СПб., 1998; Лойт Х.Х., Сергачев Е.И., Шувалов В.А., Шумилов В.К. Совершенствование работы с кадрами - объективное условие выполнения задач, стоящих перед органами внутренних дел. - СПб., 1998; Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров в органах внутренних дел. - М., 1978; Розенбаум Ю.А. Формирование управленческих кадров. - М., 1982; Ноздрачев А.Ф. Федеральная государственная служба // Российская юстиция. 1994. № 6. С. 35 - 38.

2. Чупров В.М. Административно-правовые и организационные средства обеспечения кадровой политики в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М.: Моск. ун-т МВД РФ. 2005. - 24 с; Гуринович А.Г. Организационно-правовой механизм увольнения государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 61-86.

Д.П.Юрченко*

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА ЕАЭС И ПРАВА ГОСУДАРСТВ - ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Аннотация. В статье на основе анализа концепции наднационального права и обязательности решений органов интеграционного объединения выявлена проблематика соотношения права государств - членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и наднационального права. Как причина затруднений устранения препятствий во взаимной торговле ЕАЭС обозначена отсутствие необходимых полномочий у органов Союза в части обеспечения государствами-членами соблюдения наднационального права. На основании анализа роли суда ЕАЭС предложены механизмы взаимодействия наднационального права и национальных судебных органов, которые позволили бы максимально гармонизировать подходы в применении права ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, наднациональное право, устранение препятствий во взаимной торговле, соблюдения права Союза, суд ЕАЭС, взаимодействие судебных органов, правовая интеграция.

THE RELATIONSHIP BETWEEN EAEU LAW AND EAEU MEMBER-STATES LAW

Abstract. The aim of this article was to analyze the concept of supranational law and the mandatory decisions of the bodies of the Integration Association and to find problematic aspects of the relationship between EAEU law and the law of EAEU Member-States. The reason for the difficulties in removing obstacles to mutual trade of the EAEC is the absence of the relevant competence of the Union bodies. Having conducted the analysis of the role of court of the EAEU the Author suggested the mechanisms of interaction of supranational law and national judicial bodies. It would help to harmonize approaches in the application of EAEU law.

Keywords: EAEU, Supranational law, the removing obstacles to mutual trade, the observance of the law, court of the EAEU, Judicial cooperation, Legal integration.

В подверженном глобальной интеграции современном мире на новый уровень выходят международные организации. В настоящее время государства уже не принимают исключительно самостоятельные решения, а в рамках региональных интеграций создают механизмы совместного реагирования на актуальные экономические и политические вызовы.

Так и на территории Евразии было создано интеграционное объединение. Итоги более двух лет существования ЕАЭС далеко не однозначны. Страны-члены столк-

* Юрченко Дарья Петровна - студентка 1-го курса магистратуры Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: simonett@list.ru

Yurchenko Dariya P. - student of the first year of master's degree Saint Petersburg State University. E-mail: simonett@list.ru

нулись с многочисленными препятствиями и проблемами внутреннего и внешнего характера. Одним из наиболее интересных является вопрос соотношения права ЕАЭС и права государств - членов Союза.

В рамках данной статьи будут рассмотрены раскрывающие проблематику темы вопросы: феномен наднациональности, устранение барьеров на внутреннем рынке ЕАЭС, взаимодействие суда ЕАЭС и национальных судов государств - членов ЕАЭС.

Феномен наднациональности. Прежде чем перейти к проблеме приоритетного применения норм национального и наднационального права в странах - участницах ЕАЭС, необходимо начать анализ с определения наднационального права.

Определить содержание концепции наднациональности довольно сложно. Есть несколько подходов к определению этого феномена. Одна группа исследователей, к которой можно отнести Ю.А. Тихомирова, И. Вейлер, В.А. Федосеенко, утверждает, что это принципиально новый правовой феномен, который порождает некий третий уровень правового регулирования наравне с международным и национальным. Они считают наднациональное право идеальным механизмом национальной интеграции, при которой каждое государство за счет внешней политики стремится достичь как можно большей выгоды, и способом формирования межгосударственного единства.

Другие, такие как Дж.Маджоне, М.МакЛарен, К.-Х.Ладор, придерживаются мнения, что по своей природе это - международное право, которое фактически представляет собой способ перекладывания ответственности и рисков с национальных правотворческих органов на наднациональные органы и утверждения верховенства над правовой системой государства-члена.

Рассуждая на тему наднациональности правовых актов евразийской интеграции, многие авторы склонны считать, что сегодня нет оснований говорить о самостоятельном праве союза [1]. Следует расценивать наднациональные акты как принадлежащие организации, которая обладает политическим свойством «наднациональности», в то время как наличие этого признака не влечет существенных изменений в статусе и юридической силе норм подобных образований.

Нормы международного права создаются в результате соглашения между равными субъектами международного права — суверенными государствами. Однако наднациональное право отличается от международного тем, что явление наднациональности возникает, когда государства должны подчиняться правилам поведения, созданным без их согласия. То есть некоторые государства, которые были инициаторами создания международной организации, согласовали свои позиции и заключили многосторонний договор, а последующие присоединяющиеся к ним должны соблюдать его [2, с. 73].

В ЕАЭС органы и институты союза были наделены полномочиями по регулированию отдельных областей общественных отношений. И только в этих пределах они могут принимать решения. Но чтобы обеспечить обязательность таких решений, любая интеграционная организация должна обладать политической волей. Таковой у организаций быть не может, она присуща в международных отношениях только государствам. Фактически приобретение интеграционным объединением политической воли будет означать становление на путь федерализации, и не только в сфере реализации отдельных полномочий, но и в юридической форме [3]. Именно этот вопрос и стал поводом к дискуссии о предполагаемой передаче суверенных полномочий и федерализации юрисдикционного пространства в Евразии.

В действительности сегодня отсутствует практика развития международных организаций в суверенное государство. По этой причине утверждение о том, что

создание ЕАЭС приведет к возрождению федеративного государства, представляется более чем парадоксальным, так как не учитывается генезис создания международной организации и возникновения суверенного государства. Так как передача компетенции всегда - дело государственной власти, в то время как вопрос самоопределения - дело нации или народа [4, с. 35].

Правда в том, что в деятельности международных образований первостепенной является их экономическая или политическая интеграция. А правовой аспект подобных интеграционных процессов всегда оказывается производным по отношению к первым. Право отражает политические реалии и регулирует экономические отношения. Но в любом случае право тесно связано со всеми интеграционными процессами.

Евразийскому экономическому союзу присущи некоторые признаки, которые квалифицируют его как наднациональную организацию. Однако стоит отметить, что наднациональность - качество в большей степени политическое, а не правовое. Несмотря на то, что оно и закреплено в правовых актах, четкой дефиниции они не содержат.

Именно поэтому разность подходов к пониманию наднациональности, отсутствие четкого определения и вопрос обязательности решений является источником проблемы соотношения права государств - членов союза и права ЕАЭС как наднационального права [18].

Устранение барьеров на внутреннем рынке ЕАЭС. Одна из целей экономического союза - устранение препятствий во взаимной торговле. Однако внутри ЕАЭС все еще сохраняются меры нетарифного регулирования, включая запреты и ограничения, меры экономического и административного характера.

Согласно Приложению № 7 к Договору о ЕАЭС нетарифные меры - это большая группа различных мер и мероприятий торговой, финансовой, административной, экологической политики, политики здравоохранения и иной политики, направленных на регулирование внешней торговли, а также на создание препятствий в области внешней торговли [5].

На повестке дня органов Союза одним из главных направлений деятельности обозначено устранение препятствий во взаимной торговле [6].

Сегодня важным шагом на пути ликвидации препятствий на территории ЕАЭС является опубликованный в апреле 2017 года доклад ЕЭК «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» - «Белая книга». В этом документе собраны все выявленные препятствия для свободного функционирования общего рынка ЕАЭС.

Значение такого доклада существенно, так как он не только позволил впервые получить ясную картину существующих в ЕАЭС торговых ограничений, но и выработать принципы их устранения и наметить способы решения конфликтных ситуаций в этой сфере.

Однако, как было отмечено в самом докладе, при рассмотрении отдельных барьеров затруднения вызывает отсутствие необходимых полномочий у органов Союза (как Комиссии, так и Суда) в части обеспечения государствами-членами соблюдения права Союза. Несмотря на наличие у Коллегии Комиссии компетенции по уведомлению государств-членов о необходимости исполнения предписаний права Союза, эффективность работы по устранению барьеров на внутреннем рынке Союза недостаточно высокая. Отдельные решения Коллегии Комиссии, направленные на устранение барьеров на внутреннем рынке Союза, не исполняются государствами-

членами. В частности, до настоящего времени надлежащим образом не исполнено Решение Коллегии Комиссии от 8 декабря 2015 г. № 163 «О выполнении обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка во взаимной торговле товарами государств - членов Евразийского экономического союза» [7].

Целесообразно внедрить соответствующие правовые механизмы для обеспечения государствами-членами соблюдения права Союза. «Белая книга» способствовала выявлению препятствий функционирования единого рынка, но и выявила существенные проблемы правового регулирования. Ожидается, что данный документ позволит значительно уменьшить количество изъятий и ограничений и тем самым продолжить углубление интеграционных процессов.

Однако остается очевидным, что страны-участницы не откажутся от какой-либо возможности политического воздействия на своих партнеров посредством влияния на внешнюю торговлю.

Дальнейшие положительные результаты интеграции зависят от того, смогут ли государства ЕАЭС разрешить возникшие между ними противоречия и найти баланс, позволяющий сохранить свою политическую самостоятельность и в то же время не мешающий гармоничному функционированию Союза.

Взаимодействие суда ЕАЭС и национальных судов государств - членов ЕАЭС. Проблема приоритетного применения норм национального и наднационального права в странах - участницах ЕАЭС и обязательность решений органов ЕАЭС наиболее ярко отражается при взаимодействии судебных органов государства и ЕАЭС.

Суд ЕАЭС является постоянно действующим судебным органом Союза. Цель деятельности Суда - обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами ЕАЭС международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза [8].

Динамичность общественных отношений приводит к изменению роли судов. Сегодня у общества появляются новые запросы и потребности, на которые законодательная власть не всегда способна своевременно и адекватно реагировать. Соответственно, изменяется роль высших судебных органов как инстанций, направляющих развитие законодательства, исходя из выявленных именно в судебной практике проблемных правоотношений в различных областях. Их деятельность направлена на выстраивание своего рода системы правовых координат, отвечающих конституционным представлениям о том, «как должно быть» во всех сферах общественной жизни [9].

В законодательстве и нормативных правовых актах высших судебных органов государств-членов так или иначе закреплен приоритет Конституции над международным договором. Такая позиция государств вполне обоснованна, поскольку ни одно суверенное государство не может позволить себе без риска утраты самостоятельности добровольно и безоговорочно поставить свое национальное право в полную зависимость от международного или наднационального права.

Какова же в таких условиях роль суда ЕАЭС? К сожалению, суд Союза сегодня не обладает сильной позицией органа, выстраивающего систему правовых координат. Сужение полномочий по сравнению с его предшественником - судом ЕврАзЭС - приводит к выводу, что государства-члены сегодня не готовы создать независимый суд как влиятельную структуру союза и, предвидя такие риски, предпочитают использовать множество ограничений.

Хотя в истории есть опыт создания сильного суда успешного интеграционного объединения, ЕАЭС колеблется в принятии таких же сценариев. Так, суд ЕС сыграл

определяющую роль в создании единого внутреннего рынка и эффективно функционирующего правопорядка ЕС [10, с.56].

Например, Статут Суда ЕАЭС не предусматривает возможности ЕЭК обратиться в Суд с иском против государства, нарушающего свои обязательства по праву ЕАЭС. Очевидно, это показалось государствам излишним. Тем не менее вопросы эффективного контроля за исполнением государствами своих обязательств остаются крайне важными для успешного развития любого интеграционного объединения. Ограничение круга субъектов, обладающих правом обращения в Суд, только государствами-членами делает контроль неэффективным [11, с. 158]. Эффективное функционирование интеграционного объединения возможно только при наделении такими правами Комиссии.

Отличительным аспектом проблемы является исключение вынесения Судом ЕАЭС преюдициальных заключений по запросам национальных судов. Такое решение полностью лишает Суд ЕАЭС возможности диалога с национальными судами, которые применяют акты Союза, непосредственно действующие в национальных правопорядках стран - членов Союза.

Еще одним серьезным ограничением является п. 102 Статута, который устанавливает, что «решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых». Формально эта статья дает государствам основание не согласиться с решением и не исполнять его, опираясь при этом на его нелегитимность как результат нарушения Судом данной статьи Статута [12, с. 159].

Так национальные суды имеют возможность оспаривания правоприменения, в результате чего само право ЕАЭС может быть размыто. До тех пор пока национальные суды самостоятельно принимают решения о правоприменении, государства-члены фактически могут уйти от принятых на себя в рамках ЕАЭС обязательств. Это, в свою очередь, несет большие риски для самого функционирования ЕАЭС.

Видится, что ограниченная юрисдикция суда ЕАЭС является серьезным препятствием на пути формирования правопорядка Союза. Для того, чтобы избежать правовых коллизий и рисков непризнания государствами-членами права ЕАЭС, необходимо, во-первых, обеспечить соответствие в ЕАЭС защиты прав и свобод, конституционных прав человека и гражданина и национальным, и наднациональным принципам регулирования; во-вторых, обеспечить взаимодействие суда ЕАЭС и национальных судов государств-членов через учет практики друг друга; в-третьих, обеспечить возможность обозначения странами -членами ЕАЭС конкретных позиций относительно их правомочности рассматривать акты Союза на соответствие конституциям своих стран [13].

Представляется целесообразным обратить внимание на опыт конституционных судов государств - членов ЕС. Конституционные суды некоторых европейских стран обозначали своего рода границы, за которые не должны переступать право ЕС и правоприменительная практика Суда ЕС.

Так, например, в решении от 30 июня 2009 г. по делу о конституционности Лиссабонского договора Федеральный Конституционный суд ФРГ заявил, что компетентен рассматривать акты ЕС на предмет их соответствия «конституционной идентичности» Основного закона ФРГ, обязывать Правительство не исполнять акты ЕС и принимать меры для защиты конституционной идентичности [14].

Для целей единообразного понимания и применения государствами-участниками права Союза и недопущения возникновения существенных разногла-

сий представляется необходимым налаживание тесного диалога как с Судом Союза, так и между органами конституционной юстиции стран - участниц ЕАЭС. Примером такого взаимодействия может стать созданная Европейская сеть конституционных судов и регулярные конференции европейских конституционных судов.

Существующие на сегодняшний день ограничения деятельности Суда Союза не способствуют росту его авторитета и легитимности ни у национальных судов, ни у потенциальных заявителей, которые могут предпочесть судебную защиту в других международных или национальных судах, оспаривая акты ЕАЭС в ЕСПЧ, в ОРС ВТО, в инвестиционных арбитражах либо в конституционных судах стран -членов ЕАЭС.

В этом отношении красноречив опыт немецкой компании «Фольксваген», которая сначала пыталась обжаловать антидемпинговые пошлины, введенные ЕЭК, в Суде ЕврАзЭС, но в итоге предпочла убедить свое правительство подать на Россию жалобу в ОРС ВТО [15, с. 160]. Иностранцы также могут предпочесть обжалование актов ЕЭК в инвестиционном арбитраже, апеллируя при этом к положениям межгосударственных соглашений о защите инвестиций.

В настоящее время вопросы взаимодействия национального и наднационального правосудия относятся к общей, глобальной сфере соотношения международного и национального в современном мироустройстве. Анализ и осознание общемирового опыта строительства и развития органов правосудия интеграционных организаций являются необходимым условием для обеспечения эволюционных преобразований межгосударственных отношений в XXI веке [16, с. 10].

При рассуждении о будущем правовой интеграции на Евразийском пространстве возникает множество вопросов, далеко не на все из которых сегодня существуют ответы. Их поиск - общая задача всех участников евразийской интеграции, предполагающая постоянный диалог как в судебной, так и во внесудебной плоскостях. Особая роль в этом диалоге, безусловно, принадлежит национальным судебным органам, в том числе - высшим судам.

Поиск форм и способов взаимодействия права двух уровней требует особого внимания. Все предложенные механизмы взаимодействия национального и наднационального правосудия позволили бы максимально гармонизировать подходы в применении наднационального права ЕАЭС и не допускать коллизий в общем правовом пространстве Союза.

В свою очередь Суду ЕАЭС предстоит доказать свои преимущества, особенно с учетом его усеченной на сегодняшний день юрисдикцией. Как отмечает М.Л.Энтин, «организация, компетенция и порядок функционирования Суда... в значительной степени подчинены одной задаче - поставить во главу угла практической деятельности данного органа цели и ценности... интеграции» [17, с. 120]. Проявить заинтересованность в сильном суде в первую очередь должны сами государства-члены, так как опасения потерять контроль за судом и жесткие ограничения могут в конечном счете привести к провалу самого процесса евразийской интеграции.

Библиографический список

1. Шмаков Р.В. К вопросу о «наднациональности» права Евразийского экономического союза [Электронный ресурс: <https://www.eurasialaw.ru> (Дата обращения: 15.04.2017)]
2. Шумилов В.М. Глобализация мировой экономики и глобальная правовая система / В.М. Шумилов // Внешнеэкономический бюллетень. 2002. № 8. С. 73.

3. *Шмаков, Р.В.* К вопросу о «наднациональности» права Евразийского экономического союза [Электронный ресурс: <https://www.eurasialaw.ru> (Дата обращения: 15.04.2017)]
4. Евразийская интеграция: роль суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. - М.: Статут, 2015. - 304 с.
5. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, Приложение N 7 к Договору о ЕАЭС. Протокол о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран [Электронный ресурс: <http://www.eurasiancommission.org/>(Дата обращения: 15.04.2017)]
6. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, Доклад Евразийской экономической комиссии «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс: <http://www.eurasiancommission.org/>(Дата обращения: 17.04.2017)]
7. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, Доклад Евразийской экономической комиссии «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс: <http://www.eurasiancommission.org/>(Дата обращения: 17.04.2017)]
8. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС [Электронный ресурс: www.eurasiancommission.org (Дата обращения: 17.04.2017)]
9. *Рогов И.И.* Обеспечение верховенства права в условиях интеграционных процессов [Электронный ресурс: www.ksrf.ru (Дата обращения: 17.04.2017)]
10. Евразийская интеграция: роль суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. - М.: Статут, 2015. - 304 с.
11. *Исполинов А.С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств - членов Евразийского экономического союза // Право в современном мире. - Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 152-166.
12. *Исполинов А.С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств - членов Евразийского экономического союза // Право в современном мире. - Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 152-166.
13. *Рогов И.И.* Обеспечение верховенства права в условиях интеграционных процессов [Электронный ресурс: www.ksrf.ru (Дата обращения: 17.04.2017)]
14. *Рогов И.И.* Обеспечение верховенства права в условиях интеграционных процессов [Электронный ресурс: www.ksrf.ru (Дата обращения: 17.04.2017)]
15. *Исполинов А.С.* Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств - членов Евразийского экономического союза // Право в современном мире. - Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 152-166.
16. Интеграционное правосудие: сущность и перспективы: монография / отв. ред. С.Ю. Кашкин. - М.: Норма, ИНФРА-М, 2014. - 112 с.
17. *Энтин М.Л.* Международные судебные учреждения: роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров. - М., 1984. - 176 с.
18. См., напр.: *Чиркин В.Е.* Наднациональное право и государственный суверенитет: некоторые проблемы теории. - М., Норма, ИНФРА-М, 2015. - 40 с.; *Азнагулова Г.М., Комаров С.А.* Правовая политика национальных государств в условиях глобализации и интеграции: статья /В сб.: «Современные глобальные вызовы и национальные интересы» /Материалы XV Лихачевских чтений / - СПб, 2015. С. 527-529.

С.А.Комаров*
В.М.Чупров**

СИЛЬНОЕ ИЛИ ЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО?

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию А.Д.Керимова и И.Н.Куксина

«Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса». -
М.: Норма: Инфра-М, 2017. - 96 с.

Знаменитый американский философ, социолог и футуролог Фрэнсис Фукуяма, автор бестселлера «Конец истории и последний человек», в 2006 году публикует в Москве свою монографию «Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке», где ставит вопрос: а что такое сильное государство? В чем его плюсы, в чем - минусы? Почему в XXI веке вопрос построения сильного государства становится все более насущным и актуальным?

В определенной степени ответ на эти поставленные вопросы был предметом поиска многих ученых, как прошлого, так и настоящего, включая авторов рецензируемой монографии «Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса».

В рецензируемой монографии в первой главе «Для чего необходимо сильное государство?» профессора А. Д. Керимов, И. Н. Куксин дают ответ на вопрос: *каковы факторы, обуславливающие в современных условиях потребность в сильном государстве? Какие причины побуждают нас настаивать на построении мощного и дееспособного государства? Почему на нынешнем этапе исторического развития человечество нуждается именно в таком государстве?*

Справедливости ради надо отметить, что ранее указанная проблема уже была предметом их, со слов авторов, не столь обстоятельного научного исследования [1].

Первым фактором, ссылаясь на взгляды экономистов (М. Г. Делягин), социологов (Р. Э. Парк, Э. Тоффлер, А. И. Костин), философов (А. Н. Чумаков), они справедливо считают состояние усложнения и ускорения буквально всех общественных процессов. «Обуздать» такие процессы, преодолеть кризисы, разрешить возникающие проблемы способно только сильное государство, обладающее необходимыми властными ресурсами, наделенное соответствующими полномочиями (с. 12). При этом авторы напрямую и непосредственно связывают успех в этом деле со способностью государств договариваться между собой, объединять свои усилия, направлять их в единое русло, ибо «названные и другие и другие процессы и проблемы носят общепланетарный характер, их субъектом выступает человечество в целом (с.12-13).

* **Комаров Сергей Александрович** - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Международного университета в Москве. E-mail: svkomarov2008@ya.ru

Komarov Sergey A. - doctor of legal Sciences, Professor, head of Department of theory and history of state and law International University in Moscow.

* **Чупров Владимир Михайлович** - и.о. ректора ФГБОУ ДПО «Новомосковский институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности», к.ю.н. E-mail: chuprov1706@mail.ru

Chuprov Vladimir M. - acting rector of FGBOU DPO "Novomoskovsk Institute of improvement of professional skill of executives and experts chemical industry", candidate of law.

Вторым фактором, по глубокому убеждению авторов, является единая духовно-нравственная и природная основа, единые цели и единая судьба человечества, ибо состояние современного мира характеризуется все возрастающей взаимосвязанностью, взаимозависимостью и взаимообусловленностью происходящих событий и процессов. А отсюда вытекает необходимость реализации управления во всеобщих интересах, а не в интересах отдельных индивидов, узких слоев или групп, так как в противном случае разрушительные социальные катаклизмы неизбежны (с. 13).

Определенный романтизм присутствует в рассуждениях авторов относительно успешности отправления управленческой функции, которую может реализовать только «мощное и дееспособное» государство, располагающее необходимыми силами и средствами, имеющие весьма широкую сферу влияния. Встает вопрос: мощное это сильное государство? А чем измеряется его дееспособность?

Третьим фактором является понимание необходимости существования социального государства, проведение им социально ориентированной политики, способствующей практической реализации в обществе принципов справедливости и солидарности. Соглашусь с тезисом о том, что социальное государство не может не быть демократическим или правовым, поддерживаю суждение о том, что властвующая элита нашей страны в подавляющем большинстве своем проводит политику экономии на социальной сфере и попустительства богатым, декларируя при этом прямо противоположное» (с. 18).

Ни для кого не является секретом то, что до сих пор в Российской Федерации сохраняются значительные межрегиональные различия и диспропорции в социальной сфере (в том числе чрезмерные различия в уровне заработной платы, занятости, доступности медицинской помощи, социального обеспечения), которые противоречат принципам государственной политики регионального развития, направленной на обеспечение равных возможностей для реализации конституционных прав и свобод граждан на всей территории страны [2].

Экономия на социальной сфере и попустительство богатым не только аморальны, но и опасны, ибо чреватые социальными катаклизмами, ведут в протестным действиям, порой разрушительным по своим последствиям. Такие ложно объясняемые «либеральные ценности», с моей точки зрения, с неизбежностью приводят к «майदानам», «революциям», различным «социальным взрывам» и пр.

Четвертый фактор - наличие слабого государства, которое само по себе порождает многочисленные общественно значимые проблемы, с нашей точки зрения, не может быть фактором, который свидетельствовал бы о наличии потребности в сильном государстве. Может быть в определенной степени следует рассматривать слабое государство как причину построения мощного и дееспособного государства?

Пятый фактор связан с наличием сформировавшейся рыночной экономики, необходимостью предпринимать весьма энергичные усилия, направленные на то, чтобы последовательно и неуклонно воплощать принцип социальной справедливости в жизнь, с которым прямым и непосредственным образом связана моральная легитимность любой публичной власти. Авторы справедливо считают, что именно на современное государство, являющееся всеобъемлющей социальной организацией, ложится основное бремя ответственности за дальнейшее продвижение человечества по пути общественного прогресса (или, по крайней мере, за создание необходимых условий для этого продвижения), и за реализацию крупномасштабных экономических проектов, нацеленных на обеспечение благосостояния будущих поколений (с. 25-33).

Полностью соглашусь с идеей о том, что «именно сегодня рынок, по своей структуре представляющий чрезвычайно сложное, многоуровневое и при этом поразительно динамическое, интенсивно эволюционирующее явление, особенно нуждается в эффективном регулятивном воздействии не только со стороны отдельных институтов гражданского общества, но главным образом и в первую очередь со стороны государства" (с. 27).

К сожалению, авторы не дают полный ответ на вполне резонный вопрос: а какова степень вмешательства государства в экономику? В какой степени государство обеспечивает контроль за экономическими процессами? Порассуждаем! Известны, как минимум, три типа экономической политики проводимой классическим, регулирующим, командным государством.

В условиях бытия государства первого типа проводится политика «laissez-faire», т.е. государство не вмешивается в экономические процессы. А. Смит считал, что экономика развивается самостоятельно и ей не нужен контроль государства, а вот защита суверенитета, границ государства - это его обязанность. Государство может проводить политику протекционизма, т.е. поддерживать отечественного производителя, среднее и мелкое предпринимательство (субсидии, кредиты, выгодные государственные заказы), защищать экономические интересы государства в условиях проводимой в настоящее время западной санкционной политики.

Регулирующее государство скорее всего предпочтительней, так как в регулируемом рыночном хозяйстве государство вмешивается в экономику с целью недопущения экономического кризиса? Эта модель была разработана экономистом Дж. Кейнсом. Государство в регулирующей модели экономики контролирует и регулирует экономическую, социальную и политическую сферы.

Уверен, что авторы отрицательно относятся к командному государству, где его роль в осуществлении командно-административной экономики огромна. Вся экономическая деятельность ведется по правилам, установленным таким государством (преимущественно с тоталитарным режимом). В таких государствах все ресурсы принадлежат государству.

Шестым фактором, и с этим следует согласиться в полной мере, считается феномен глобализации, влияющий на современное государство как сильное, так и слабое. Это связано, с одной стороны - с процессами эффективности управления, усиления властного потенциала, активизации деятельности населения в различных сферах государственной и общественной жизни. С другой стороны - глобализация приводит объективно к ослаблению государства, ограничению его суверенитета.

Наднациональные центры влияния берут на себя властные функции и полномочия, а государства соответственно утрачивают власть там, где совершенно не нужно, нецелесообразно и даже вредно с точки зрения достижения и отстаивания как ближайших, так и перспективных целей всего человечества, обеспечении прав и свобод отдельной личности. Авторы абсолютно верно, вслед за Ф. Фукуямой, задаются вопросом: «что именно заменит силу суверенных национальных государств в современном мире?» и точно дают ответ: «эту пропасть заполнило разношерстное собрание международных организаций, преступных синдикатов, террористических групп и так далее, которые могут обладать в определенной степени властью и легитимностью, но редко и тем и другим сразу» (с. 35).

Да, еще раз убеждаешься в том, насколько правы были в начале XX века те, кто писал о том, что лозунг «Соединенные Штаты Европы» был неправильным! [3].

Седьмой фактор. Качество сильного государства, считают авторы, особенно востребовано сегодня в связи со спецификой переживаемого нами исторического момента. Суть его состоит в постепенном, неспешном, но неотвратимом переходе от капиталистической к следующей, постпотребительской общественно-экономической формации. А отсюда необходимость проявлений новых форм бытия, что потребует и появления новых социальных институтов, создания новых политических и финансовых структур, культурных и этических норм, моделей и правил общения, образцов поведения (с. 36).

Во второй главе - «Сильное государство и права человека» - дается ответ на наиболее общий вопрос: должно ли государство в приоритетном порядке защищать интересы отдельной личности или же его предназначение состоит, прежде всего, в том, чтобы заботиться о всеобщем благе? Иными словами: кто, собственно, для нас важнее, значимее, если угодно, ценнее - индивид или государственно-организованный социум?

Позитивно следует оценить окончательный вывод авторов: «максимально сочетать и наиболее полно обеспечить интересы и государства, и отдельного индивида... государство, конечно же, должно заботиться и об общественной пользе, и о правах отдельных индивидов» (с. 56).

При этом следует высказать отдельные соображения по поводу сентенций авторов относительно «целого» и «части» на примере «государственно-организованного социума» и «индивида». Ссылаясь на целую когорту знаменитых ученых, авторы исподволь раскрывают идею соотношения «коллективизма» и «индивидуализма», что вполне реально существовало и продолжает существовать в нынешней истории человечества. Можно обозначить эту взаимосвязь как «западный» менталитет, в основе которого лежит идея священной и неприкосновенной частной собственности или «восточный» менталитет, основанный уже на идее «общего», «коллективного». По нашему мнению ни развитие общества, ни развитие истории человечества невозможно без опосредования этого процесса человеком, ибо проходят через его внутренний мир, внутренний опыт, внутренние конфликты. В этом смысле общество, его *история персоналистичны* [4]. Свобода каждого есть условие свободы развития всех - вот что должно было бы стать главным стержнем развития грядущего общества.

Рассуждения о всеобщем избирательном праве имеют под собой определенную и теоретическую, и практическую почву, но нужно не забывать и о том, что есть активное и пассивное избирательное право. Первое объективно требует снижения избирательного возраста в связи с «продвинутостью» наших подрастающих поколений, а вот пассивное избирательное право вполне реально должно учитывать предлагаемые авторами критерии. Более того, у нас учитываются профессионализм и высокие моральные требования при формировании, например, состава судей Конституционного Суда Российской Федерации. Судьей Конституционного Суда Российской Федерации может быть назначен гражданин Российской Федерации, достигший ко дню назначения возраста не менее сорока лет, с безупречной репутацией, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пятнадцати лет, обладающий признанной высокой квалификацией в области права. Можно еще добавить: «имеющий ученую степень доктора юридических наук».

В третьей главе - «Сильное государство и общая воля» - авторы пытаются дать, и не безуспешно, ответ на два сущностных вопроса: выражает ли и, если да, то в ка-

кой мере, государство в лице своих властных институтов волю народа и должно ли оно формировать или способствовать формированию этой воли?

И более того, ставится вопрос о наличии народной воли вообще в принципе. Может быть, ее попросту нет? Может быть, это вымысел? Может быть, это мечта передовых мыслителей или выдумка? Не отвечая в полной мере утвердительно, авторам *кажется*, что народная воля - во-первых, это реальность, но существует она лишь в отношении весьма и весьма ограниченного круга вопросов, более того, она далеко не всегда очевидна не только власть имущим, но, как это ни парадоксально, и самому народу; во-вторых, торжество общей воли отнюдь не всегда равнозначно торжеству справедливости, гуманности, добродетели; в-третьих, государство вырабатывает собственную волю, которая с большим основанием, чем какая бы то ни было другая воля, может быть признана совпадающей с народной и (или) отвечающей интересам населения страны (с. 64-69).

Очень интересны рассуждения авторов относительно пассивности граждан в процессе формирования народной воли. Отсюда вполне справедливый вывод о том, что «сильное государство просто обязано стать во главе процесса выработки общей воли в тех случаях, когда народ непременно должен самоопределиться, но еще не сделал этого» (с. 70), «мы с сожалением вынуждены констатировать, что в современном мире функцию выработки общей воли фактически взяли на себя, если не сказать, узурпировали средства массовой информации» (с. 71). Что уж говорить, если Парламент России всего два часа в неделю дает реальную конкретную информацию о работе Государственной Думы (программа «Парламентский час») [5] и Совета Федерации ФС РФ (программа «Сенат») [6] и на канале «Россия-24», но не на «первой кнопке». И конечно нам импонирует вывод авторов о том, что для решения специальных вопросов требуется наличие определенных знаний, соответствующей профессиональной подготовки, а отнюдь не всенародное одобрение... Безусловно, при этом конечный результат (т.е. принятый законодательный или подзаконный акт) не должен обеспечивать превалирование частных, узкопрофессиональных интересов на общим благом (с. 72).

В четвёртой главе - «Основные характеристики сильного государства» - представлены рассуждения о том, что есть сильное государство? Каковы его наиболее существенные признаки, отличительные черты? Каковы основные критерии, позволяющие рассматривать его в качестве такового?

Прежде всего, это обладание значительным властным потенциалом, включающим в себя достаточные материально-финансовые, административные, военные, организационные, людские, информационные, коммуникативные, технико-технологические и прочие ресурсы. Это позволит сильному государству вырабатывать и проводить научно обоснованный политический курс, эффективно управлять, энергично воздействовать на общественные процессы, осуществлять на высоком профессиональном уровне нормотворчество и обеспечивать законность и правопорядок, отправлять контрольные функции и т.д. - словом, в полном объеме реализовать все без исключения принимаемые им властные решения (с. 73).

Позитивно следует оценить и то, что сильное государство имеет право на фактическую монополию на силу. Представляется, что любое государство должно иметь такое право, власть должна уметь рационально ее использовать как в общих, так и частных интересах. Беспомощность власти или властвующей элиты приводит к нестандартным, недемократическим последствиям, что естественно, отрицательно

сказывается на силе государства, обладающего не только политической, но и экономической властью, способного организовать, привлечь, мобилизовать все население (социальные классы, слои, группы, граждан) для активного, сознательного и добровольного участия в решении возникающих общественно-значимых проблем (с. 77).

Интересны суждения авторов относительно власти духовной и степени обладания ею сильным государством (с. 78 и др.). Верен отсюда и вывод об обязательности наличия государственной идеологии, главное не в том, что она провозглашена, закреплена законодательно или нет, а в том, что она незримо присутствует и воспроизводится в живущих поколениях в известных пределах. Государственная идеология должна быть не только четко и ясно сформулирована и тем самым понятна населению, но и обеспечена целым комплексом разнообразных и эффективных мер по ее пропаганде, внедрению в сознание масс (с. 88 и др.).

И последнее, согласимся с идеей о том, что сильное, жизнестойкое государство с необходимостью предполагает наличие системы мер, обеспечивающей перманентное и интенсивное привлечение во властные структуры наиболее достойных представителей вне элитных слоев (с. 93). Однако, как утверждают авторы, мы доподлинно не знаем будущего, оно нам неведомо, и более того: «все без исключения теоретические конструкции в области экономики и государственоведения (как, впрочем, и в других отраслях обществоведения) в будущем неизбежно подвергнутся частичному или полному, незначительному или существенному, даже радикальному, но непременно пересмотру, а соответствующие им, т.е. созданные на их основе, структуры, органы и институты - трансформации или упразднению (с.42).

Выражу уверенность в том, что идеи, высказанные в рецензируемой работе, ни в коем случае не будут преданы забвению, а послужат основой для дальнейшего поиска ответа на вопрос: что предпочтительнее - сильное или эффективное государство? А может и первое и второе одновременно?

Библиографический список

1. См., напр.: Керимов А. Д., Куксин И. Н. Критерии силы государства //Право и образование. 2016. № 6. С. 4-16; Керимов А. Д. О сильном государстве //Право и политика: научный юридический журнал. 2008. № 8 (104). С. 1815-1822.

2. См.: Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. №13 //www.kremlin.ru

3. См.: Ленин В.И. О лозунге Соединённых Штатов Европы. - Полн. собр. соч. - Т. 26. - С. 354.

4. См.: Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 9-е изд., испр. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2017. - С. 136.

5. Программа «Парламентский час» была создана по инициативе депутатов Государственной Думы и впервые вышла в эфир 30 ноября 1997 года. Это еженедельная информационно-просветительская программа, готовится специалистами парламентского телевидения Государственной Думы. С 2010 года программа выходит в эфир на информационном телеканале «Россия-24» по воскресеньям в 13:05. Повтор выпуска передаётся в эфир во вторник в 4:05 по московскому времени.

В каждом выпуске дается подробный рассказ о законопроектах, которые обсуждаются в Государственной Думе, репортажи с места событий и эксклюзивные интервью ведущих политиков современной России. «Парламентский час» предлагает

Теория государства и права

точку зрения думских фракций на обсуждаемые законопроекты и информацию о том, как они повлияют на нашу жизнь.

6. Программа «Сенат» - это еженедельная информационно-просветительская программа, готовится специалистами телевидения Совета Федерации. Продолжительность - 1 час в неделю. Имеется также программа «Знакомьтесь - сенатор».

РЕЦЕНЗИЯ

на авторский учебник Комарова С.А.
«Общая теория государства и права».
9-е изд. - М.: Юрайт, 2017. - 450 с.

В 2017 г. в издательстве «Юрайт» вышло в свет девятое издание авторского учебника известного отечественного юриста-теоретика, Президента Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, заслуженного деятеля науки и образования РАН доктора юридических наук профессора Комарова С.А. «Общая теория государства и права».

Являясь представителем научной школы заслуженного деятеля науки и техники РСФСР доктора юридических наук профессора А.И. Денисова, автор выдерживает методологически оправданный основной научный подход к изложению сложных вопросов науки теории государства и права, показывая их в динамике, отражая все (или почти все) актуальные взаимосвязи науки и практики.

Впервые этот труд вышел в виде лекций по теории государства и права в 1994 году в издательстве Мордовского государственного университета тиражом 2000 экз. За 23 года было издано более 300 тысяч экземпляров. Данная книга может служить уникальным доктринальным источником для лиц, избравших юриспруденцию основной своей профессиональной деятельностью.

Отметим, что содержание учебника не осталось неизменным, он постоянно совершенствовался, в него включались новые и новые проблемы теории государства и права наряду с уже устоявшимися взглядами и концепциями. Наряду с этим в нем четко прослеживается преемственность теоретических и практических идей, предшествующих нынешней российской теории государства и права. Например, в учебнике рассматривается идея типологии государства (что редко встречалось в учебниках по теории государства и права в начале XXI столетия), излагается авторский личностный подход к типологии государства.

В условиях формирования в нашей стране правового государства и гражданского общества возрастает потребность в оптимизации национальной государственно-правовой системы. Реализуя свои собственные функции (онтологическую, гносеологическую, методологическую, прогностическую), теория государства и права не только способствует познанию различных государственно-правовых явлений, как пишет автор, но и воздействует на поведение граждан, коллективов, общественных организаций, государственных органов и должностных лиц, обеспечивает решение повседневных и глобальных задач по формированию позитивных процессов развития страны, определяет изначальный базис и последующую динамику жизнедеятельности общества (раздел 1). В этой связи авторский учебник С.А. Комарова «Общая теория государства и права» имеет большую теоретико-прикладную ценность для отечественной и зарубежной юридической общественности.

Следует согласиться с автором, что в условиях становления правового государства важное значение приобретают вопросы формирования, развития и закрепления нового юридического мышления, общей и правовой культуры, высокого профессионализма, чувства законности и справедливости, демократии, сопряженных с ответственностью как личности, так и государства.

Особо следует отметить бережное и уважительное отношение автора к творческому наследию отечественных и зарубежных авторов. Это обстоятельство придает

работе особую ценность, поскольку, чтобы лучше понять происходящее сейчас, мы должны внимательно взглянуться в прошлое, еще раз оценить интеллектуальный багаж наших предшественников, заимствовать у них все лучшее, что было наработано в юридической науке и практике.

На страницах учебника автор справедливо отмечает, что теория государства и права - одна из наиболее сложных учебных дисциплин, изучаемых в юридических вузах, так как содержит обобщенные абстрактные положения о государстве и праве. Основная задача заключается в раскрытии теоретически важных понятий науки теории государства и права, являющейся базовой общетеоретической дисциплиной в системе юридических наук, изучение которой предполагает достижение нескольких целей: во-первых, усвоить комплекс общетеоретических знаний о государственно-правовых явлениях; во-вторых, получить представление об основных категориях, отражающих особые свойства государства и права; в-третьих, определить значение общетеоретических знаний для последующей практической деятельности.

В этой связи содержание и структура учебника представляются весьма актуальными, своевременными и, что немаловажно, интересными. Они отличаются не только теоретической новизной, но и творческим осмыслением обозначенных в них дискуссионных вопросов. Разделы и главы учебника базируются на вдумчивом и критическом осмыслении научных позиций и подходов. Одобрения заслуживает и позиция автора предложить собственные варианты основополагающих понятий, применяемых в общетеоретической и прикладной юриспруденции.

В работе рассмотрен обширный круг национальных и зарубежных доктринальных источников, позволивших С.А. Комарову исследовать фундаментальные темы общей теории государства и права, обозначить круг вопросов, требующих самостоятельного теоретического осмысления, а также предложить собственное видение проблем. Автор успешно аргументирует свою точку зрения по многим дискуссионным вопросам. В этой связи работа отличается новаторским подходом и исследовательским пониманием сущности многих государственно-правовых явлений, что делает ее оригинальной и интересной.

Особо следует отметить четкость и ясность изложения в учебнике содержания теоретически сложной материи государственно-правового осмысления понятий, лежащих в основе других юридических наук. В этой связи он будет полезен не только бакалаврам, но и магистрам, аспирантам и преподавателям.

Структура учебника логически выдержана, содержание его постоянно обновляется с учетом реалий современного государственного-правового развития.

С.А. Комаров проделал огромную работу, представив читателю глубокий анализ теоретической и исторической составляющих предмета. По содержанию разделов, глав и параграфов можно судить о фундаментальности и полноте представленного материала. Прекрасно выполнен литературный обзор, не вызывает возражений структура учебника. Следует отметить удачные попытки предложить собственное видение проблемы в корректной и уважительной полемике с рядом как советских, российских, так и иностранных ученых. Позитивно следует оценить наличие приложения к учебнику, алфавитно-предметный указатель к нему.

Учебник, являясь основательным научным изысканием, написан в прекрасном стиле, легко читается, сочетает в себе творческую подачу материала с рассмотрением сложных общетеоретических и прикладных вопросов, будет полезен и интересен для юридического сообщества.

Theory of State and Law

Общий вывод: авторский учебник С. А. Комарова «Общая теория государства и права» по своим теоретическим и педагогическим свойствам характеризуется новизной и оригинальностью, соответствует существующим требованиям к учебной литературе по юридическим наукам, а поэтому будет с интересом встречен студентами, как бакалаврами, так и магистрами, изучающими науку о государстве и праве.

Рецензенты:

Профессор кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета (МГЮА) им. О.Е.Кутафина

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Т.Н.Радько

Профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
Академии ФСИН России,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации

Н.И.Полищук

[Http://www.gblplaw.ru/about/blr/](http://www.gblplaw.ru/about/blr/)

The Russian practice of Berwin Leighton Paisner (BLP), an award-winning international law firm

О ФИРМЕ

Goltsblat BLP - российская практика **Berwin Leighton Paisner (BLP)**, ведущая международная юридическая фирма, штаб-квартира которой находится в Лондоне и офисы - в крупнейших коммерческих и финансовых центрах мира: **Москве, Абу-Даби, Берлине, Брюсселе, Дубае, Гонконге, Париже, Пекине, Сингапуре, Тель-Авиве, Франкфурте и Янгоне.**

В московском офисе Goltsblat BLP - 100 юристов, квалифицированных по российскому и английскому праву, общее количество юристов в международных офисах BLP - более 800. Сложившаяся команда российских юристов, зарекомендовавших себя как ведущих экспертов в российском праве, обладают уникальным для российского рынка практическим опытом юридического сопровождения инвестиционных проектов в России - более 20 лет.

На сегодняшний день Goltsblat BLP является одной из ведущих международных юридических фирм, российской практикой глобальной фирмы, оказывающей правовую поддержку по крупным комплексным сделкам и проектам, как международным корпорациям, так и российским компаниям. Нашей ключевой специализацией является сопровождение сделок и разрешение судебных споров. При этом при реализации комплексных проектов мы используем возможности и ресурсы нашей многофункциональной команды, чтобы обеспечить всестороннюю юридическую поддержку по всем необходимым аспектам и наиболее эффективным образом отвечать потребностям каждого клиента и каждого конкретного проекта, что, безусловно, является нашим преимуществом по сравнению с другими юридическими фирмами.

Основными областями специализации фирмы являются:

- Корпоративная практика/слияния и поглощения
- Банковская и финансовая практика
- Недвижимость и строительство
- Практика по разрешению споров
- Налоговая практика
- Таможенное право и внешняя торговля
- Коммерческая практика
- Нормативно-правовое соответствие (compliance)
- Уголовно-правовая защита бизнеса
- Антимонопольная практика
- Практика трудового права
- Практика по интеллектуальной собственности

- ГЧП/инфраструктурные проекты
- Несостоятельность и банкротство

Согласно ведущим международным рейтингам, таким как The Legal 500, Chambers & Partners, IFLR1000, Best Lawyers и Pravo.ru в течение последних нескольких лет Goltsblat BLP занимает лидирующие позиции и входит в число особо рекомендованных (“top-ranked”/ “recommended”).

Клиентами Goltsblat BLP являются более 1300 компаний, включая крупных международных инвесторов, работающих на российском рынке (75 из них входят в рейтинг Fortune 500), российские и международные банки и финансовые организации, российские компании - лидеры в своих отраслях.

В начале 1990-х годов юристы фирмы были одними из первых специалистов, оказывавших юридическую поддержку крупным западным инвесторам, начинавшим в то время выходить на российский рынок. Накопленный за эти годы опыт, глубокие знания российской правовой системы, социальных, экономических и политических процессов в России, а также знание сложившейся российской практики ведения бизнеса и менталитета западных инвесторов, позволяют нам хорошо понимать ожидания иностранных инвесторов и помогать им эффективно решать любые юридические вопросы, связанные с ведением бизнеса в России.

Кроме того, на сегодняшний день среди клиентов фирмы большое количество российских компаний, работающих как в России, так и осуществляющих инвестиционные проекты за рубежом.

Goltsblat BLP является обладателем 25 национальных и международных наград за последние пять лет, включая:

- Лучшая Юридическая Фирма в России - Chambers Europe Awards 2015 и номинант 2016 года, а также победитель Finance Monthly Law Awards 2011 и ILO Client Choice Awards 2010 в этой номинации;
- Международная Юридическая Фирма Года - The Lawyer European Awards 2014 и номинант 2015 года, Legal Business Awards 2010 / Legal 500 и номинант 2015 года;
- Юридическая Фирма Года - Лучший Клиентский Сервис - Chambers Europe Awards 2014 и 2010;
- 3 место в Топ-50 крупнейших юридических фирм России - рейтинг Коммерсант.ру 2015 и 2016;
- Топ-3 международных юридических фирм в России по размеру выручки и по выручке на юриста - рейтинг Право.ру 2015;
- Юридическая Фирма Года - Всесторонняя Юридическая Поддержка - Annual ACQ Country Awards 2011;
- Инновационный Подход к Развитию на Международных Рынках - Financial Times Innovative Lawyer Awards 2011, номинант.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgir.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 5-12 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4-5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее - Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее - Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии - специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов - специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ АККРЕДИТАЦИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3x4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или **магистра**

(в зависимости от срока обучения)

и выдается **государственный диплом
о высшем образовании**

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ - 4 года, ЗАОЧНОЕ - 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим** и **высшим образованием** -
ускоренный курс обучения - 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 12.00.01 - теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
- 12.00.02 - конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
- 12.00.08 - уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

редактор **Н.Б.Чунакова**
перевод **А.В.Саматов**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
Адрес издателя: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1.
E-mail: conception.rzn@gmail.com
Телефон: 8 (800) 250-73-02

Выход в свет 25.08. 2017. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 10,19. Усл. п.л. 5,8. Тираж 500 экз. Заказ № 20.

Цена свободная

Отпечатано ООО «Издательство «Концепция».
Адрес типографии: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д.17, корп. 1.